

В. Е. ШАМБАРОВ

Белогвардейщина

<Фрагменты>

84. Деникин и Врангель

К началу 1920 г. относится конфликт между Деникиным и Врангелем. Различными авторами он освещается по-разному, поэтому стоит на нем остановиться подробнее. Конфликт этот не носил политического характера — Врангель впоследствии проводил практически ту же политику, что Деникин. Не имеют под собой почвы и объяснения конфликта «карьеризмом» Врангеля, во что бы то ни стало рвущегося к власти. Какая может быть карьера в период катастрофы? Это было бы то же самое, что обвинить в карьеризме Деникина, принявшего после смерти Корнилова командование над горсткой бойцов. Готовность к бескорыстному служению своим идеалам Врангель доказал и всей последующей жизнью, целиком отданной спасению и поддержке эмигрировавших солдат и офицеров.

Это был типичный конфликт между «молодым» и «старым» офицерством, неизбежный в любой проигранной войне. Кстати, точно так же вел себя Деникин после Русско-японской войны, когда, рискуя карьерой, критиковал высшее начальство и его ошибки. И точно такой же конфликт через год сам Врангель получил от Слащёва. Оба — горячие патриоты России, но людьми они были совершенно разными, Деникин — спокойный, уравновешенный, упрямый. Врангель — отнюдь не по-немецки¹ горячий, нервный, порывистый. Не чуждый внешней позы и эффекта, чего Деникин всегда избегал. Профессор Н. Н. Алексеев так сравнивал их: «Первое впечатление, определявшее внешнюю разницу двух этих людей, формулируется у меня в военном противопоставлении: пехота — кавалерия. У ген. Деникина не было ни внешнего блеска, ни светских манер, но в то же время была в нем какая-то глубокая почвенная сила. Врангель был красив, статен, а главное — отмечал его действительный, не напускной лоск обращения. Внешне он был человеком, который мог очаровать, но я не заметил в нем черт, изобличающих гипнотизирующее излучение власти».

Разладу немало способствовало то, что Врангель, блестяще проявивший себя в боях 18-го — первой половины 19-го годов, одерживавший победу за победой, внезапно попал в полосу неудач, причем совершенно от него не зависевших. Царицынское направление, на котором он воевал, после отхода Колчака из главного превратилось во второстепенное. Его армия таяла от переброски войск на другие участки и дезертирства, разлагаемая из тыла. Разгромил кубанскую оппозицию — но положения это уже не улучшило, только нажил себе врагов. Принял Добровольческую армию — но в тот момент, когда она была разгромлена и отступала, сдавая города. Взялся сформировать на Кубани новую армию — но столкнулся с откровенным саботажем местных властей, припомнивших ему недавнее унижение. Был назначен председателем деникинского правительства — но фактически даже не вступил в должность, последовало соглашение с Верховным Казачьим Кругом о реорганизации южной власти. Занимался укреплением Новороссийского района — но не имел к этому ни сил, ни средств, пребывая в бездействии. От веры в казачество шатнулся к полному разочарованию в нем, выдвинул план переноса центра борьбы под Одессу для организации единого фронта с поляками. Был назначен помощником ген. Шиллинга по военной части, но не успел даже туда выехать — Одесса пала...

Параллельно развивался и конфликт. Оказавшись в Царицыне, «на отшибе», Врангель один за другим слал в Ставку проекты выигрышных операций, указывая на ошибки, которые, как ему казалось, допускал штаб главнокомандующего. Эти проекты, как правило, отвергались, что вызывало раздражение автора. Забегая вперед и анализируя его планы, сведенные потом воедино и Врангелем в своих письмах-памфлетах, и Деникиным, разбиравшим их, можно отметить, что значительная часть из них была невыполнима либо из-за недостаточной информированности Врангеля об обстановке на других участках, либо основываясь на ошибочных предположениях (как, например, план создания единого фронта с Польшей). Часть, действительно, сулила определенный успех, но при белогвардейской малочисленности — только за счет успехов (реальных или мнимых), намечавшихся на каких-то иных направлениях. Вопрос о том, как было бы лучше действовать, «так» или «эдак», можно было бы оставить открытым, однако следует подчеркнуть важный аспект. В предыдущих главах мы уже говорили о целом комплексе причин поражения Белого движения. А многочисленные планы Врангеля, выдвигавшиеся им в 19-м и начале 20-го, носили чисто военный характер. И даже если бы привели к частным успехам (ценой других успехов), общего хода событий все равно изменить не могли. Поэтому данные споры Врангеля со «штабами» относятся к чисто теоретической области и подробно разбирать их не имеет смысла. Впрочем, и сам Врангель, оказавшись в роли главнокомандующего,

должен был отказаться от многих взглядов (скажем, о возможности в условиях Гражданской войны концентрации сил на одном, главном направлении и переходе к жесткой обороне на других участках).

Когда после отставки Май-Маевского барон вступил в командование отступающей Добровольческой армией, он воочию увидел то, что на расстоянии представлялось в розовом цвете, — реальное состояние ее легендарных «полков» и «дивизий», остававшихся таковыми лишь по названиям. Действительность, издавлек представлявшаяся иной, еще больше убеждала в мыслях о наделанных ранее ошибках и допущенном «развале». Если в Царицыне командующий был в значительной мере предоставлен самому себе, то в новой должности Врангель оказался в постоянных контактах с Деникиным и его штабом. Стала проявляться и психологическая несовместимость между двумя военачальниками. Деникин считал, что Врангель вносит в работу излишнюю нервозность и разлад. А горячий Врангель порывался что-то перекроить по-своему, чтобы исправить ошибки, действительные или кажущиеся. Хотя в создавшейся ситуации какие-то кардинальные изменения были уже неосуществимы, он считал, что его никто не слушает, что главное командование упорствует в заблуждениях. Трения росли и накапливались. Именно поэтому Деникин так легко согласился на уход Врангеля с должности командарма и отъезд на Кубань.

Но на Кубани Петр Николаевич, все еще взвинченный фронтовыми катастрофами, впервые заговорил о необходимости смены главного командования. Начал зондировать почву, как к этому отнесутся Дон, Кубань и Терек в переговорах с ген. Сидориным, терским атаманом Вдовенко, рядом кубанских лидеров, а также находившимися там генералами Шкуро и Эрдели. Он указывал на естественное в условиях поражений недовольство армии и недоверие общественности, однако ответ везде получил резко отрицательный (Вдовенко, например, просто шарахнул кулаком по столу и сказал: «Ну, этому не бывать!»). Даже те деятели, которые сами по тем или иным причинам были недовольны Деникиным, считали, что «генеральская революция» в критический момент лишь приведет к окончательному крушению фронта. Кубанцы, возможно, и хотели бы свалить Деникина, но и с Врангелем не желали иметь ничего общего, да он и сам в этом плане вовсе не искал поддержки левых и самостийников. Одновременно, то ли с ведома Врангеля, то ли по собственной инициативе, один из его сторонников, некто Тверской, повел работу среди общественных и финансовых деятелей, находившихся на Северном Кавказе, осведомляясь, как они отнеслись бы к идее «переворота». Здесь тоже он поддержки ни у кого не нашел.

Обо всех закулисных переговорах было немедленно доложено главнокомандующему — Сидориным, Шкуро, Вдовенко др. Надо отметить, что эту попытку «подкопа» под себя Деникин оставил

без явных последствий — хотя, понятное дело, улучшить его отношение к Врангелю подобные действия не могли. Стоит отметить и то, что, выслушав отовсюду отрицательные мнения и убедившись в ошибочности своего представления о всеобщем недовольстве командованием, сам Врангель больше никаких усилий в данном направлении не предпринимал. Но слухи распространялись во все стороны, проникали даже за границу. Так, прибывший с официальной миссией Мак-Киндер сообщил, что в Варшаве он слышал о якобы произведенном Врангелем перевороте. По этому поводу барон писал Деникину: «Я ответил, что мне известно о распространении подобных слухов и в пределах Вооруженных сил Юга, что цель, по-видимому, — желание подорвать доверие к начальникам в армии и внести разложение в ее ряды и что поэтому в распространении их надо подозревать неприятельскую разведку. Вместе с тем я сказал, что, пойдя за Вами в начале борьбы за освобождение Родины, я, как честный человек и как солдат, не могу допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в подчинении которого я добровольно стал».

Масла в огонь подливали всевозможные «доброжелатели» и «недоброжелатели». Врангель был популярен среди молодежи, слышавшей легенды о его конных атаках. Был популярен среди крайне правых. Почему — неизвестно. Видимо, предполагалось, что раз он — барон, то заведомо будет проводить правую политику в отличие от «либерала» Деникина (впоследствии подобных надежд он совершенно не оправдал). Если для фронтовиков подобные вопросы отходили на второй план, то правых хватало среди тыловиков, среди офицеров-дезертиров, наводнявших тыловые города и щеголявших погонами, уклоняясь от службы. Получив начальство над Новороссийским районом, Врангель как раз оказался в центре беженского хаоса, куда стекались остатки партий, политических и общественных организаций, органов печати и пр., живущие в болезненной атмосфере слухов, интриг и паники. Генерал тяготился «вынужденным бездействием», поскольку его обязанности свелись к руководству эвакуацией. Его высказывания по данному поводу всячески варьировались прессой и сплетнями. Одни возмущались «опалой» боевого командира, которого из-за личного недоброжелательства держат в тылу, не давая ему спасти фронт. Другие, недовольные Врангелем, наоборот, подрывали его авторитет в Новороссийске, распространяя слухи, что он из-за личных обид в критический момент бросил армию. Самозванные организации из тыловиков и дезертиров, используя фигуру Врангеля в качестве знамени, пытались выступать в качестве «офицерской оппозиции» (в основном по ресторанам). Тем более что это давало «моральное право» уклоняться от фронта — по «принципиальным соображениям». Другие «доброжелатели», естественно, информировали Деникина о Врангеле, а Врангеля о Деникине, мешая правду с вымыслами.

Конфликт еще углубился, когда Деникин пошел на уступки Верховному Казачьему Кругу. Врангель к этому времени совершенно разочаровался в возможности поднять казачество, столкнувшись с кубанским развалом. Он выступал против «компромиссов с самостийниками», предлагая перенести борьбу на «русскую» территорию, под Одессу. И опять его позицию, домысливая и искажая по-своему, подхватывали политические круги, а также дезертирствующая накипь, теперь взявшаяся громогласно заявлять, что не желает «проливать кровь за самостийников». В общем, к моменту разрыва Деникин и Врангель практически перестали понимать друг друга. Главнокомандующий объяснял все действия барона лишь нездоровым честолюбием. А Врангель действия Деникина — «цеплянием за власть». Как показала жизнь, ошибались и тот и другой... Когда 10.02 очередное назначение Врангеля в связи с падением Одессы было отменено, он подал в отставку. А до решения вопроса об увольнении взял отпуск и выехал в Крым.

85. В осажденном Крыму

Якова Александровича Слащёва Деникин характеризовал так: «Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть крымских животолубцев. Это был совсем еще молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо».

Получив приказ оборонять Крым и Северную Таврию, он к 5 января отвел свои части к Мелитополью. Войск у Слащёва было мало, всего 4 тыс. чел., а с севера приближались 13-я и 14-я красные армии — ведь большевистское командование считало, что в Крым будут отступать основные силы Деникина, и нацелило сюда мощные удары. Оценив ситуацию, Слащёв не стал задерживаться в степях Таврии, а сразу отошел в Крым. Советские дивизии, старавшиеся отсечь белых от перешейков, остались ни с чем. А «генерал Яша» отдал приказ: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что, пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

23.01 46-я дивизия красных пошла на штурм. Взяла Перекоп, донесла о победе, а на следующий день контратакой ее потрепали и выбросили. 28.01 к ней присоединилась 8-я кавдивизия. Последовал новый штурм — с тем же результатом. Постепенно наращивая силы, большевики 5.02 предприняли очередную попытку. Пройдя по льду замерзшего Сиваша, опять овладели Перекопом. И опять Слащёв контрударом выбил их. 24.02 история повторилась. Красные ворвались и через Чонгарский перешеек, один из комбригов даже

успел получить орден Красного Знамени за взятие Тьуп-Джанкоя, после чего большевиков разбили и погнали назад.

Секрет красных успехов, легких, но «скоропортящихся», объясняется просто. Зима стояла холодная, с 20-градусными морозами. На крымских перешейках, продуваемых всеми ветрами, жилья почти не было. Сидеть в окопах — значило бы измотать и погубить защитников. Поэтому Слащёв вообще отказался от позиционной обороны. Оставил на перешейках только сторожевое охранение, а части корпуса отвел в населенные пункты внутри полуострова. Когда же красные в очередной раз «брали» укрепления, преодолевая узкие перешейки — измученные, насквозь промерзшие, не имеющие возможности развернуться, Слащёв успевал поднять свои войска, свежими силами бросался в атаку, громил врага и выкидывал вон.

Его тактика вызывала возмущение у крымской «общественности» и тыловиков, сидевших как на иголках. Их жутко нервировало, что красные то и дело оказываются в Крыму. Вообще, атмосфера здешних городов была крайне нездоровой. Тут собралось много беженцев, но в основном тех, кто выехал в Крым еще в относительно спокойной обстановке, до повальных эвакуаций. Положение их не было столь бедственным, как в Новороссийске и Одессе. В материальном плане жизнь текла вполне благополучно. Хотя на Перекопе шли бои, Крым оставался типичным тылом — со всеми отрицательными тыловыми чертами. И вдобавок оказался оторванным от командования: ген. Шиллинг сидел в Одессе, Деникин — на Кубани. Крым, предоставленный самому себе, стал средоточием интриг, сплетен, политической грызни и внутреннего разлада.

Одним из главных рассадников нездоровых настроений явился флот. Как Колчак слабо разбирался в сухопутных делах, так и Деникин — в морских, поэтому он мало вмешивался во внутренние вопросы флота, жившего обособленно и представлявшего как бы «государство в государстве». Проблем здесь хватало. Многие корабли, 3 года не знавшие регламентных работ, нуждались в ремонте. Остро не хватало матросов — их набирали из гимназистов и студентов. И очень резко разделялся личный состав. На некоторых кораблях — чаще всего в порядке инициативы энтузиастов — подбирались боевые и сплоченные экипажи. Скажем, миноносцы «Жаркий», «Пылкий» и др. бросались в самые опасные места, вступали в неравные поединки с вражескими батареями. Иная картина наблюдалась на транспортных судах. Плавая между черноморскими портами, команды здесь хорошо подрабатывали спекуляцией, поэтому большинство матросов на них было старослужащими. То же самое они делали и при гетмане, и при французах, и при красных, и при белых. Рассматривали свою работу как «нейтральную, нужную всем, вроде железнодорожников». При белых было даже выгоднее — рейсы выпадали не только в русские, но и в заграничные порты.

И совсем другое было на берегу. Работу по «возрождению российского флота» севастопольское командование начало с создания огромных штабов, тыловых баз, портовых служб. Морских офицеров для этого хватало, не только местных, а съехавшихся из Петрограда, с Балтфлота и пр. Только эти офицеры были далеко не лучшими — одних перебила матросня в 17-м, другие давно ушли на сухопутный фронт, третьи, как уже говорилось, сколачивали экипажи миноносцев, катеров и шли в бой. А береговые штабы являлись удобной кормушкой, да еще и обеспеченной кораблями на случай эвакуации. Даже для назначения на командные посты выбор здесь оказывался сомнительным. Деникин вспоминал, как на одну из руководящих должностей начальник морского управления представил ему три кандидатуры с характеристиками: «первый за время революции опустил, впал в прострацию, второй — демагог, ищет дешевой популярности среди молодежи, третий с началом войны попросился на берег “по слабости сердца”».

В условиях Гражданской войны всем этим штабам просто делать было нечего, они утопали в сплетнях и интригах. Так, начальник штаба флота адмирал Бубнов, желая занять подчиненных, организовал «морской кружок». Изначально — для изучения вопросов флотской тактики и организации. Но какая там тактика? Какая, к шутам, организация? Вскоре кружок под руководством самого Бубнова занялся разбором «ошибок» командования на сухопутных фронтах, критикой получаемых распоряжений и полез в «политику». От флотских и гражданских деятелей заражались политикой и армейские тылы. На всех уровнях начиналась игра в «демократию», где каждый считал возможным действовать по своему разумению. Интриговали друг против друга. Интриговали против «ненадежного» Слащёва, посылая Деникину петиции с просьбами назначить вместо него «опального» Врангеля. Интриговали и против главного командования. Очень скоро эти игры приняли опасный характер.

В Симферополе формированием пополнений для корпуса Слащёва занимался капитан Орлов — в прошлом храбрый офицер, но совершенно разболтавшийся и к тому же больной неврастенией. Вокруг него стали группироваться сомнительные элементы. С ним вступил в связь даже подпольный ревком большевиков, всячески обрабатывая и подталкивая к активным действиям. В городе открыто говорили о предстоящем перевороте. Набрав более 300 чел. из случайных людей и дезертиров, Орлов выступить на позиции по приказу Слащёва отказался и 4.02, как раз накануне очередного наступления красных, захватил власть в Симферополе. Другие тыловые части, расквартированные в городе, объявили «нейтралитет». Орлов арестовал таврического губернатора Татищева, а также оказавшихся в городе генералов Чернавина и Субботина. Издал при этом приказ: «Исполняя долг перед нашей измученной родиной и приказы

комкора ген. Слащёва о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава... систематически разлагавших тыл».

Объявлял, что «молодое офицерство решило взять все в свои руки», хотя объяснить этого подробнее не мог. Свое политическое кредо определял так — «правее левых эсеров и немного левее правых эсеров». Выпустил воззвание к «товарищам рабочим» большевистского содержания. Правда, освободить из тюрьмы «политических» отказался.

Восстание Орлова взбаламутило весь Крым. В Севастополе по его примеру «молодое офицерство» собиралось арестовать командующего флотом адм. Ненюкова и адм. Бубнова. Слащёв, отбив очередной штурм, послал в Симферополь войска. Две трети отряда Орлова, узнав об этом, разбежалось, а сам он с оставшимися отпустил арестованных, ограбил губернское казначейство и ушел в горы.

13.02 после падения Одессы в Крым прибыл ген. Шиллинг. Против него сразу покатилась яростная кампания травли и обвинений в одесской катастрофе (хотя впоследствии сенаторская ревизия по этому делу его вины не нашла). К Шиллингу явились адмиралы Ненюков и Бубнов, заявившие, что он дискредитирован и для спасения Крыма должен передать власть Врангелю. Причем согласие Деникина якобы не обязательно, поскольку Врангель будет командовать тут самостоятельно. С теми же требованиями к нему потянулись гражданские и офицерские делегации. 15.02 прибыл и Врангель, подавший в отставку и находящийся в отпуске. Здесь же оказался ген. Лукомский, тоже подавший рапорт об отставке и приехавший в Крым в связи со смертью матери. Оценив ситуацию, Врангель соглашался принять командование, но не самовольно, а только по приказу Деникина, заявляя, что «никогда не пойдет на такой шаг, как смещение Шиллинга». К тому же выводу приходил Лукомский. Слащёв, узнав о неурядицах в тылу, извещал, что подчиняться будет только приказам Шиллинга и Деникина.

Ситуация в Крыму осложнялась. Отряд Орлова, спустившись с гор, захватил Алушту и Ялту. Находившиеся в Ялте генералы Покровский и Боровский мобилизовали местных жителей, чтобы организовать сопротивление. Их отряд разбежался, не вступая в бой. Генералы были арестованы, а казначейства в Алуште и Ялте ограблены. Шиллинг выслал против Орлова военное судно «Колхида» с десантом. Однако экипаж и десант сражаться отказались и вернулись в Севастополь, привезя с собой воззвания Орлова. В одном из них говорилось: «По дошедшим до нас сведениям, наш молодой вождь ген. Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы все верим...»

Морское начальство поступок «Колхиды» оставило без последствий. Среди тылового офицерства шло брожение, разгорались страсти.

По совету Лукомского Шиллинг подчинил Врангелю Севастопольскую крепость, флот и тыловые части, чтобы любыми мерами навести порядок. Врангель этого «временного» назначения не принял, поясняя, что «всякое новое разделение власти в Крыму при существующем уже здесь многовластии усложнит положение и увеличит развал тыла».

Он направил телеграмму Орлову, призывая во имя блага Родины прекратить мятеж и подчиниться требованиям начальников.

Одну за другой телеграммы о необходимости назначения Врангеля Лукомский слал и Деникину. К этому присоединился Шиллинг. По сути предложение было правильным. Шиллинг, достаточно слабovolный, оказался к тому же подавленным грузом моральной ответственности за Одессу, доверие к нему было подорвано, общественность не уставала осыпать его обвинениями. Врангель обладал достаточным авторитетом и решительностью, чтобы исправить положение. Но тут уж уперся Деникин, усмотрев в предложениях Лукомского очередную интригу. В передаче власти он категорически отказал. Впрочем, решение Деникина тоже основывалось на важных соображениях. В условиях поражений и катастроф, допусти он выборность командования в одном месте, смещение неугодных и призвание угодных начальников — что стало бы с дисциплиной, и без того пошатнувшейся, в других местах? Да и в Крыму это могло быть расценено «молодым офицерством» как уступка и в дальнейшем привести к новым «орловщинам».

21.02 вышли приказы об исключении со службы адмиралов Ненюкова и Бубнова, а также увольнении в отставку Лукомского и Врангеля по их прежним ходатайствам. Издал Деникин и приказ о «ликвидации крымской смуты», где предписывал всем, принявшим участие в выступлении Орлова, явиться в штаб 3-го корпуса для направления на фронт, чтобы искупить вину в боях. Для расследования причин смуты назначалась сенаторская ревизия, а тех, кто вызвал ее своими действиями и руководил ею, приказывалось предать суду, невзирая на чин и положение. Врангель последний пункт ошибочно отнес к себе и жутко оскорбился. Орлов, запутавшийся между «спасением отечества», бандитизмом и социализмом, пошел на переговоры и 23.02 подчинился приказу, выступил на фронт. Правда, пробыл там недолго. Вскоре самовольно снял отряд с позиций и повел опять на Симферополь. Части, посланные вслед Слащёвым, огнем разогнали его «бойцов», а Орлов опять бежал в горы.

Когда адм. Герасимов, прибывший на смену Ненюкова, ознакомился с деятельностью «морского кружка» Бубнова, где прямо фигурировали предложения о перевороте, он посоветовал Врангелю «на время уехать, так как около его имени творятся здесь в Севастополе легенды и идет пропаганда против главного командования».

Сам Деникин не хотел связываться с подобными вопросами. Посредничество взял на себя ген. Хольман, от своего имени передав барону просьбу покинуть Крым.

Обиженный Врангель выехал в Константинополь, послав Деникину письмо-памфлет, тяжело и незаслуженно оскорбившее главнокомандующего все теми же обвинениями в «цепляний за власть», «яде честолюбия» и пр. Письмо это в копиях переписывалось, перепечатывалось и распространялось противниками Деникина. Многое там было написано явно сгоряча. Кое-что Врангель впоследствии пытался сгладить. Так, уже через год он говорил константинопольскому корреспонденту, упомянувшему о «деникинских бандах»: «Я два года провоевал в армии генерала Деникина, сам к этим “бандам” принадлежал, во главе этих “банд” оставался в Крыму и им обязан всем, что нами сделано».

Деникин воспринял памфлет весьма болезненно. В кратком ответе (направленном лично, а опубликованном только в 1926 г.) он, в частности, писал: «Милостивый государь Петр Николаевич! Ваше письмо пришлось как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть удовлетворены...»

Больше в личные отношения эти два человека никогда не вступали.

Ну а пока крымский тыл бурлил этими событиями, на перешейках продолжались бои. И, несмотря на все опасения, Слащёв раз за разом подтверждал свою славу. К 8.03 из частей 13-й и 14-й армий была создана ударная группировка, вновь ринувшаяся брать Крым. И точно так же, как в прошлых попытках, ей удалось «взять» Перекоп, дойти до Юшуни, после чего она была разбита и изгнана. Отступая, красные войска бросили даже исходные позиции, а потери понесли такие, что 46-ю и Эстонскую дивизии пришлось свести в одну.

<...>

88. Отставка Деникина

После эвакуации в Крым Деникин провел реорганизацию своей армии. Войска сводились в три корпуса: Добровольческий, Донской и Крымский, кавалерийскую дивизию и кубанскую бригаду. Остальные части, штабы и учреждения расформировывались, личный состав направлялся на укомплектование действующих соединений. Ставка разместилась в Феодосии. Крымский корпус Слащёва продолжал держать перешейки. Чтобы прикрыть полуостров от возможного десанта со стороны Тамани, в Керчи разместились алексеевская и кубанская бригады, юнкерская школа. Остальные войска располагались в резерве на отдых, добровольцы — в Симферополе, донцы — в Евпатории. Конечно, все случившееся — поражения, отступление,

эвакуация — тяжело сказалось на состоянии войск. Армия была до крайности утомлена и физически, и морально. И естественно, это создавало благодатную почву для нездоровых настроений. Тем более что Крым, как уже упоминалось, являлся средоточием всевозможных интриг. В их клубок теперь выплеснулись оглушенные катастрофой тысячи беженцев, надломленная армия, оставшиеся без дела военачальники. Искали виновных или спасителей.

Южнорусское правительство Мельникова крымские круги сразу же приняли в штыки — уже из-за того, что оно создавалось в результате соглашения с самостийниками. Офицерство козлом отпущения сделало ген. Романовского, бессменного начальника штаба у Корнилова и Деникина. В общем-то это была обычная неприязнь между «фронтом» и «штабами», но в условиях морального кризиса она дошла до предела. Слухи и сплетни валили на него все грехи. Ему приписывали все ошибки и просчеты, в личном плане противопоставляли Деникину — хотя Романовский был его хорошим другом и помощником. Его обвиняли в хищениях — хотя он был человеком безупречной честности и, находясь в стесненном материальном положении, вынужден был в Таганроге продавать свои старые вещи, вывезенные из Петрограда. Чисто русского, глубоко верующего православного человека, его произвели даже в «жидомасоны».

Ген. Сидорин усиленно вел пропаганду о «предательстве Дона», предлагая казакам уйти из Крыма и пробиваться в родные станицы. Интриговали флотские — в пользу Врангеля. Интриговал герцог С. Лейхтенбергский — в пользу великого князя Николая Николаевича (сам Николай Николаевич вряд ли об этом догадывался, он проживал за границей и своего участия в Белом движении не предполагал, прекрасно понимая, какие осложнения это вызвало бы в «левых» кругах и какие козыри дало бы красной пропаганде). Интриговали англичане — в пользу «демократии». Интриговали оставшиеся без назначения генералы Боровский и Покровский — в пользу Покровского. Интриговал епископ Вениамин, возглавлявший крымских крайне правых, — в пользу Врангеля. Зараженный этим психозом, всю начал интриговать Слащёв, причем совершенно беспорядочно — связываясь то с Врангелем, то с герцогом Лейхтенбергским, то с Сидориным, то с Покровским, Боровским и Юзефовичем, хотя Сидорин и Покровский были антагонистами Врангеля, а самого Слащёва считали «молокососом» и «выскочкой».

Поскольку основой армии, ее самым боеспособным ядром оставался Добровольческий корпус, все интриганы и «заговорщики» рано или поздно считали своим долгом обратиться к ген. Кутепову, чтобы узнать его отношение к их проектам — то Киз, то Покровский, то Слащёв, вынашивающий идею созвать совещание из представителей армии, флота, духовенства и населения для обсуждения создавшегося положения и решения вопроса о верховной власти.

Все они неизменно получали от Кутепова отлуп. 1 апреля он прибыл в Ставку, доложив об этих происках и предлагая Деникину принять срочные меры против смутьянов. Деникин сделал иначе. Теперь, когда армия была спасена и размещена в Крыму, он счел, что пришло время осуществить решение, принятое еще на Кубани, — оставить свой пост. Он составил приказ о созыве в Севастополе военного совета «для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга России».

В состав его вошли должностные лица штаба, командиры корпусов, дивизий, половина командиров бригад и полков, коменданты крепостей, флотское начальство. Включены были персонально и находившиеся не у дел представители оппозиции, претенденты на власть — Врангель, Покровский, Боровский, Юзефович и др. Председателем совета Деникин назначил генерала от кавалерии А. М. Драгомирова, написав ему: «Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Кроме указанных причин отставки Деникина, можно назвать и другие — те, о которых он сам и его современники умолчали, но о которых нетрудно догадаться и которые очень отчетливо проскальзывают в его письмах, приказах, мемуарах. Бесконечная усталость... Ведь позади были мировая война, революция, Быховская тюрьма, Ледяной поход, борьба за Кубань, Северный Кавказ, поход на Москву, отступление от Орла до Новороссийска, эвакуация. Плюс постоянная возня с политикой — партиями, оппозициями, казачьими правительствами, иностранцами. И все это в течение шести лет без малейшего перерыва, без малейшей передышки. Мог ли человек не надорваться от такой ноши? Предстояло все начинать практически с нуля. А для этого требовались силы и энергия... Для того чтобы начинать с нуля, требовалась и безусловная вера подчиненных своему начальнику. Мог ли Деникин предполагать, что после поражений его авторитет в войсках останется прежним? Как впоследствии выяснилось, он даже преувеличивал степень недоверия. Но в принципе оно было неизбежным. Если и не во всей армии, то в какой-то ее части. Для нового подъема, нового энтузиазма, новых надежд был бы гораздо удобнее новый лидер.

Наконец, если катастрофы потрясли и вымотали армию, то разве могли они не сказаться на главнокомандующем? Разве мог он не ощущать огромного груза моральной ответственности за случившееся? Груза, способного раздавить самого сильного человека. Напомним,

что Деникин был солдатом, честным служакой, а не политиком (и уж тем более не современным политиком, легко оправдывающим любые свои огрехи). В бедствиях, постигших Белую армию, он видел и свою вину. Мог ли он, неся такой груз, по-прежнему оставаться у руля и действовать с прежней верой в собственные силы?

Военный совет, собравшийся 3.4.20, проходил бурно. Представители Добровольческого корпуса на своем предварительном совещании единодушно решили просить Деникина остаться у власти и выразить ему полное доверие. Кутепов потом вспоминал, как ему было тяжело, поскольку он и сам придерживался того же мнения, но вынужден был убеждать подчиненных, зная, что решение Деникина твердо и окончательно. Ту же позицию добровольцы заняли на заседании, категорически отказываясь от выборов. На строгие указания Драгомирова, что это невыполнение приказа главнокомандующего, на выступления чинов Ставки, подтверждавших неизменность решения уйти в отставку, командиры дивизий и полков заявляли: пусть тогда Деникин сам назначит преемника, но предварительно требовали просить его остаться у власти. Подкрепляли свои слова дружными криками «ура!» в честь Деникина. К добровольцам присоединились кубанцы. Слащёв говорил, что сам прецедент выборности, «как в Красной армии», может повлиять разлагающе на войска. Донцы спорили о своем представительстве, считая его недостаточным. Моряки называли Врангеля. Так ни к чему и не пришли, кроме посылки телеграммы главнокомандующему.

В ней Драгомиров писал: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемстве главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и просил Вас единолично указать такового... Только представители флота указали преемником ген. Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования...» Деникин остался тверд. Он ответил: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета ген. Сидориным и Слащёвым недопустимым... Требую от военного совета исполнения своего долга...»

4 апреля, чтобы не допускать митинговщины, Драгомиров разделил совет, допустив на заседание только старших начальников, до командиров корпусов, чтобы наметить кандидатуру. Остальным было предложено ждать, чтобы поддержать или отвергнуть ее. В этот день из Константинополя прибыл Врангель. И обстановка осложнилась новыми обстоятельствами. Он привез с собой ультиматум британского правительства. Англия шла на окончательное предательство Белого движения, предлагая «оставить неравную борьбу» и при ее посредничестве вступить в переговоры о мире с большевиками на условиях «амнистии населению Крыма, в част-

ности войскам Юга России». В случае отклонения ультиматума Британия «снимала с себя ответственность» и угрожала отказом «от всякой поддержки и какой бы то ни было помощи». Очевидно, англичане были в курсе крымских дел, хотя и не до конца — нота, адресованная Деникину, еще формально находившемуся у власти, оказалась врученной в Константинополе Врангелю, еще никакого поста не занимающему. Кстати, это опровергает версию о Врангеле как английском ставленнике, которого британцы протолкнули вместо неуступчивого Деникина — поскольку одним из первых актов Врангеля стал отрицательный ответ на их ультиматум.

Конечно, долгое время заняло обсуждение привезенной ноты. Потом был оглашен ответ Деникина на вчерашнюю телеграмму. Соповещение опять затягивалось. Слащев заявил, что он против всяких выборов, что здесь ему делать нечего, и уехал на фронт. Ген. Богаевский вспоминал: «Нужно было как-нибудь кончать, откладывать на другой день было уже невозможно: этим неминуемо сразу подрывался бы авторитет будущего главнокомандующего. Тогда я выступил с речью, в которой, очертив создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорее кончить вопрос, назвал генерала Врангеля. Возражений не последовало».

Пригласив Врангеля, Драгомиров попросил его высказаться о взглядах на дальнейшие действия. Его ответы, что сейчас необходимо «с честью вывести, армию из тяжелого положения», пока не думая об активных операциях, всех удовлетворили. Врангеля попросили удалиться на время обсуждения и остановили выбор на нем. Чтобы не возникло конфликтов с младшими командирами, ожидавшими решения, Драгомиров схитрил — протелеграфировал Деникину о выборе старших начальников и просил его прислать ко времени открытия общего собрания письменный приказ.

Когда военный совет собрался в полном составе, председатель огласил отрицательный ответ Деникина на ходатайство остаться у власти и его последний приказ: «1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

2. Всем шедшим честно со мной в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию. Генерал Деникин».

Вечером 4 марта Деникин попрощался с сотрудниками штаба, с конвоем и охранной офицерской ротой, состоявшей из старых добровольцев, израненных в боях. Многие рыдали. После его отъезда, по свидетельству очевидца, «офицеры штаба бросились в опустевший номер, каждый торопился захватить себе на память что-либо из оставшихся на столе письменных принадлежностей». Деникин отправился на пристань, где перешел на борт английского миноносца, уходящего за границу. Как служили, так и уезжали вместе — Деникин, Романовский и Хольман, отозванный в Британию.

В Константинополе Деникин и Романовский поехали в русское посольство, часть которого была превращена в беженское общежитие, где находились близкие Деникина и дети Корнилова. Дипломатический представитель, встретивший их, объявил, извинившись, что «по тесноте не может предоставить им помещение». Посольство, ведя собственные политические игры, сочло нежелательным пребывание в своих стенах бывшего Верховного правителя России... Адъютанты, решившие сопровождать в эмиграцию главнокомандующего и начальника штаба, ехали на другом, французском миноносце, на 6 часов отставшем от английского. И Романовский сам пошел договориться насчет машины — ехать к пригласившим их британцам. В это время раздался выстрел... Здесь же, в вестибюле посольства, Иван Павлович Романовский был убит неизвестным лицом в форме русского офицера. Стрелявший скрылся. Кто это сделал? Большевистский агент, которыми кишел Константинополь? Представитель крайне правых, точивших на него зуб? Или «офицерских организаций», играющих в заговоры? Или просто фронтовик — контуженный, больной или спившийся в эмиграции, обвиняющий «штабы» в собственных бедах и решивший отомстить?.. Через день А. И. Деникин, потерявший на пороге изгнания ближайшего друга и соратника, на линкоре «Мальборо» отправился в Англию. Когда он с семьей прибыл в Британию, весь его капитал составлял... 13 фунтов стерлингов.

Следует добавить, что, хотя личные отношения между Деникиным и Врангелем так никогда и не восстановились, Деникин в эмиграции из всех сил старался помочь армии Врангеля. Очутившись в Англии, встречался с парламентскими деятелями и членами правительства, выступал в печати, взывая к правящим кругам и общественности. Бился, доказывая ошибочность и преступность такого шага, как прекращение поддержки Врангеля, называя это предательством. Рассказывал в европейской прессе о том, что творится в России и что такое большевизм... Но что было Европе до мнений какого-то отставного русского генерала?..

<...>

90. Петр Николаевич Врангель

Когда Врангель принял командование Вооруженными силами Юга России, ему было 42 года. Выходец из петербургской интеллигенции, сын ученого-искусствоведа, он по образованию был инженером. Окончил Горный институт, а потом решил идти на военную службу. Участвовал в Русско-японской войне, окончил Академию Генштаба. Мировую войну встретил командиром эскадрона. Потом командовал казачьим полком, Уссурийской дивизией, кавалерийским корпусом. В Белой гвардии выдвинулся в боях за освобождение Кубани

и Ставрополя. О дальнейшем его боевом пути в 1918–1920 гг. уже рассказывалось.

Любопытно, что мать Врангеля всю Гражданскую войну прожила в Петрограде. Под своей фамилией. В кампаниях террора арестовывали и расстреливали родственников куда менее значительных «контрреволюционеров», а ее каким-то чудом не заметили. Продавала вещи, для пропитания устроилась на советскую службу в городской музей. Голодала. Мерзла. Жила в «уплотненной» квартире с «пролетарским» хамьем, слушая звуки их попок и нюхая запахи съестного. И терпя их постоянные издевательства — но просто как рядовая буржуйка, а не мать белого военачальника. Увидев портреты ее сына, тупой председатель домкома лишь приказал «убрать генералов», обещая в случае невыполнения «отправить в чеку». Когда Врангель стал главнокомандующим, друзья ей помогли сменить место жительства, перебраться в беженское общежитие, где она прописалась как «вдова Веронелли». Но на службу продолжала ходить под своей фамилией — в рваном пальто, мужских сапогах с подвязанными веревкой подошвами. Смотрела на многочисленные плакаты, где ее сына изображали толстым бородатым стариком с эполетами и обрушивали на него все «остроумие» красной пропаганды... Лишь в конце октября, используя связи савинковцев, ее разыскали и через контрабандистов устроили побег в Финляндию.

В момент вступления в должность Врангель видел своей основной задачей не борьбу с красными, а то, как «с честью вывести армию из тяжелого положения». Да в общем-то никто из белых начальников в то время не думал о возможности активных действий. После полосы катастроф боеспособность армии многими ставилась под сомнение. Если добровольцы вывезли в Крым свои пулеметы и даже несколько орудий, то значительная часть донцов прибыла вообще безоружными. Но это было не главное — поражения тяжело сказались на моральном состоянии войск. Опускались руки, исчезала вера в себя. Кто-то после пережитого «сорвался с нарезки», ударившись в разгул. Шаталась дисциплина. В городах, куда выплеснулись эвакуированные части, нередкими стали проявления стихийной разнузданности, пьянства и хулиганства. В сельской местности по «фронтовой привычке» были случаи грабежей.

Нужно отметить и то, что Врангель прибыл из Константинополя, где слухи о разложении армии ходили крайне преувеличенные, особенно под влиянием беженцев из Новороссийска, куда попало значительное число тыловигов, дезертиров и лиц, поспешивших выйти в отставку. Наконец, тяжелый моральный удар нанес ультиматум Великобритании, требующий «оставить неравную борьбу». Удастся ли удержать Крым — тоже было сомнительно. Дело в том, что полуостров только на карте выглядит неприступным, имея много уязвимых мест. Со стороны Тамани, на Перекопском перешейке, по Чонгарскому

полуострову и Арабатской стрелке. Мелководный Сиваш — скорее болото, чем море, и часто бывает проходимым. Если покопаться в истории, то выяснится, что Крым брали все атакующие. Русские в XVIII веке — дважды. Красные и махновцы — весной 19-го. Трижды красные врывались в Крым и в 20-м — в январе, феврале, марте (заглянув вперед, можно добавить, что «с первой попытки» брали Крым и в Великую Отечественную — и немцы, и советские войска).

В качестве базы для возрождения Белого движения полуостров был тоже неудобен. В отличие от Кубани, Дона, Сибири, где оно возникло, Крым имел ничтожные ресурсы. За счет беженцев, эвакуированных войск и учреждений его население выросло вдвое, достигнув миллиона человек — Крым едва мог прокормить такое количество. Тут не было коней для кавалерии. Значительную часть беженцев составляли женщины, дети, люди непризывного возраста — для формирования крупных контингентов местных людских ресурсов не хватало. В общем, сражаться в одиночку со всей Совдепией Крым не мог. Поэтому Врангелю первым делом пришлось думать, что же делать дальше. О мире с большевиками, разумеется, речи быть не могло. Но оставался еще вариант эвакуации, с помощью союзников перебросить армию на какой-то из еще действующих театров войны — в Польшу, Прибалтику, на Дальний Восток. Или обеспечить благоприятные условия размещения до лучших времен в одной из нейтральных стран — Болгарии, Сербии, добившись через союзников неприкосновенности тех солдат и беженцев, которые пожелают остаться в России...

Но долго раздумывать не пришлось. Дальнейший ход событий определялся сам собой. 4.04 Врангель принял командование, а уже через несколько дней поступили сведения, что красные готовят новый штурм Крыма. Для этого стягивалось большое количество артиллерии, авиации, четыре стрелковых и одна кавалерийская дивизии. В том числе сюда направлялись отборные войска — Латышская дивизия, после боев под Орлом и Курском выведенная в резерв и заново укомплектованная, а также 3-я стрелковая, в значительной мере состоявшая из «интернационалистов» — латышей, венгров и др. Соединения были свежими, хорошо вооруженными, полнокровными (штатная численность красной дивизии в то время составляла 15 тыс. чел.).

У Врангеля было около 35 тыс., но реальную боевую силу, кроме пятитысячного корпуса Слащёва, державшего перешейки, представлял лишь Добровольческий корпус. Его и пришлось двинуть на усиление обороны. 13.04 латыши на Перекопе опрокинули передовые части Слащёва, заняли Турецкий вал и начали продвигаться на юг. 8-я кавдивизия переправилась на Чонгарском направлении. Части Слащёва контратаковали. Им удалось остановить противника и вернуть его назад, но латыши, зацепившись за Турецкий вал, стояли прочно, подпитываемые войсками, подходящими к ним с тыла. Обе стороны несли большие потери. Подтягивались, вступая в бой, и ча-

сти Добровольческого корпуса. Атака следовала за атакой. К вечеру красных все же выбили с Перекопа. На Чонгарском направлении большевиков встретила конница ген. Морозова и после жестокой рубки под Тюп-Джанкоем тоже изгнала прочь.

На следующий день, собрав слащевцев, корниловцев, марковцев, усилив их несколькими броневиками и отрядом конницы, Врангель нанес контрудар. Белые прорвали позиции большевиков, те начали отступать. Однако подошла 8-я кавдивизия, выбитая с Чонгара, и атакой восстановила положение. Снова перешли в наступление пехотные части красных, нацеливаясь на Перекоп. Но теперь их удалось остановить. Желая закрепить успех, Врангель решил осуществить фланговые удары, высадив два десанта.

800 чел. алексеевцев были направлены на кораблях в район Кирилловки — в 60 км восточнее Чонгара, а Дроздовская дивизия — к пос. Хорлы в 20 км западнее Перекопа. Операция не удалась. Силы оказались явно недостаточными. Оба десанта еще до высадки обнаружила красная авиация. 7 самолетов совершили налет на Кирилловку, бомбили десантников, потопили баржу с боеприпасами, а сторожевики, поддерживающие алексеевцев огнем, вынуждены были отойти в море. После чего на десант навалилась вся 46-я (Эстонская) дивизия. Лишь с большими потерями алексеевцам удалось прорваться к Геническу, откуда эвакуироваться под прикрытием корабельной артиллерии. Дроздовская дивизия после двухдневных тяжелых боев под Хорлами тоже пробилась к своим на Перекоп.

Тем не менее красный штурм Крыма был сорван. Советское командование поняло, что переоценило степень разложения белых и их внутренний разброд. Очередное наступление переносилось на май, чтобы перебросить сюда дополнительные контингенты и действовать наверняка. Пока же решили запереть Врангеля на полуострове. Строились линии заграждений, сосредоточивалось большое количество артиллерии, в том числе тяжелой, бронетехники.

Отражение штурма имело важное значение и для белых. Несмотря на понесенные потери, оно подняло общий дух — и армии, и тылов, и населения. Показало, что Крым, по крайней мере, в состоянии обороняться. К войскам возвращалась вера в себя. Начальники, неверно оценившие настроения подчиненных, теперь воочию увидели, что боеспособность сохранена. Быстро начали приносить плоды и усилия Врангеля по наведению порядка. Жесткими мерами укреплялась дисциплина — вплоть до военно-полевых судов и расстрелов за грабежи и бесчинства. Нарушители снижались в должностях, разжаловались в рядовые. Упразднялось само название армии — Добровольческая, как несущее в себе элемент стихийности и партизанщины². Вместо него вводилось другое — Русская армия. Не меньший, а возможно, и больший эффект принесло решительное проведение новым главнокомандующим мероприятий по оздоровлению армейского быта,

удовлетворению элементарных нужд солдат и офицеров. Войска стали оживать. Нарождался новый духовный подъем, менялся настрой. Врангель был прирожденным лидером и умел зажигать сердца своими выступлениями.

Улучшению обстановки немало способствовали шаги главнокомандующего по ликвидации клубков интриг, отравлявших крымскую атмосферу. Так, в Донском корпусе генералы Сидорин и Кельчевский³ продолжали мутить воду заявлениями, что «казаков предали» и что добровольцы, захватившие себе при эвакуации все корабли, — любимчики командования, которое держит донцов в черном теле. Настойчиво велся курс на раскол. Сидорин телеграфировал атаману Богаевскому, что решил «вывести Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится», и требовал его прибытия в Евпаторию «для принятия окончательного решения». Муссировались самые нелепые планы самостоятельно уйти на Дон. Газета «Донской вестник» нагнетала атмосферу. Писала: «Какое нам дело до России?.. Дай бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы оцетинимся штыками и потребуем, чтобы нас оставили в покое».

Несмотря на опасения своего окружения о возможных осложнениях и конфликте с казачеством, Врангель отдал Сидорина, Кельчевского и редактора газеты сотника Дю Шайля под суд. Они были отставлены от должностей и высланы за границу. Командиром корпуса стал генерал Абрамов.

Был выслан и герцог С. Лейхтенбергский с сообщниками, интриговавший в пользу великого князя Николая Николаевича и пытавшийся создать «офицерскую фронду», в основном из флотской молодежи. Крымский епископ Вениамин, лидер крайне правых, хотя и стал протопресвитером армии и флота, но на сближение с ним Врангель не пошел и ясно дал понять, что в «светских делах» вольностей не потерпит. Спросив однажды у некоего храброго полковника, где тот служит, и, получив ответ, «состою в распоряжении епископа Вениамина», Врангель отдал его под суд как уклоняющегося от службы. Отказ получил Вениамин и на просьбу прицепить свой вагон к поезду главнокомандующего.

Быстро менялась и внешняя обстановка. Британия по-прежнему держала курс на соглашательство с большевиками. Но поскольку Совдепия, опьяненная успехами, встречных шагов делать не спешила и вела себя крайне агрессивно, англичане еще продолжали оказывать помощь Врангелю. Очень ценной стала присылка 12.04 угля. Смогли ожить белогвардейские корабли, стоявшие без топлива. Зато изменилась позиция Франции. Если зимой она поддерживала Ллойд-Джорджа в снятии экономической блокады Совдепии, а потом старалась согласовывать свои взгляды с британскими, то теперь склонялась к недопустимости каких-либо переговоров с большевиками. Причин было несколько.

Во-первых, Франция в поисках континентальных союзников против Германии делала ставку на Польшу и Петлюру, а красные угрожали им.

Во-вторых, Париж справедливо опасался, что российских долгов Франция от большевиков не получит. Против соглашений с коммунистами выступали и США. Госсекретарь Лансинг заявил, что борьба против них является «правом и интересом, если только не долгом Соединенных Штатов Америки и других просвещенных наций земного шара...».

А на просторах России и Украины, где после побед коммунисты снова проявили свои нравы, разгорались восстания. Активизировалась Польша. Крым, выходящий из шока, больше не выглядел одиноким перегруженным плотом в готовом захлестнуть его красном море. Рождались новые надежды. Опять появилась возможность создания единого антибольшевистского фронта. И Врангель в приказах по армии говорил теперь о выходе из тяжелого положения «не только с честью, но и с победой».

<...>

92. Польский фронт

Весной 1920 г. большевики снова чувствовали себя полными победителями. Все главные противники были разгромлены. Оставалась лишь горстка петлюровцев в районе Каменец-Подольска, несколько тысяч каппелевцев и семеновцев под Читой да армия Врангеля в Крыму. Но эти остатки антибольшевистских войск уже не принимались в серьезный расчет. Требовалось только собрать достаточно сил, чтобы разделаться с ними. Не сегодня, так завтра — какая разница? Тем более коммунисты склонны были верить самым преувеличенным слухам о внутренних раздорах в белом лагере — ведь это отвечало их теориям классового антагонизма и звериной сущности империалистов.

<...>

Ну а насчет переговоров с Врангелем Чичерин предложил хитрый «дипломатический» ход — поставить условием переговоров участие в них английского офицера. На такое, считал он, сам Врангель никогда не согласится. (Тут Чичерин, конечно, перестраховался, Врангель в любом случае вести переговоры с большевиками не стал бы.) Сразу в день получения по радио ноты Керзона Чичерин писал Ленину: «Пойти на амнистию Врангелю и на приостановление дальнейшего продвижения на Кавказе, где мы все ценное уже захватили, можно не медлить ни минуты. Предложение вести непосредственные переговоры с Врангелем при участии английского офицера покоробит всякого истинного белогвардейца».

Итак, если в публичных речах коммунистические лидеры клеймили белогвардейцев лакеями Антанты, то на самом деле они знали,

что это далеко не так. И что предложение (высказанное большевиками!) решать русские вопросы «непосредственными» переговорами при участии англичан прозвучит оскорбительно для них. Настолько хорошо знали, что делали на это ставку в политической игре. В тот же день, 4.05.20 Ленин писал Троцкому: «По-моему, Чичерин прав, тотчас ответив согласием на

1) приостановление военных действий

а) в Крыму и

б) на Кавказе и

2) на переговоры об очищении Крыма на принципе (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем».

Как видим, мысль об амнистии белогвардейцам допускалась только «на принципе, не более».

И тот же день полетела телеграмма Орджоникидзе:

«ЦК обязывает вас отвести части из пределов Грузии и воздержаться от наступления на Грузию».

Видимо, из-за этого решения и с Арменией накладка получилась. Как раз в мае там какие-то «трудящиеся» тоже подняли восстание против национального правительства. А Красная армия почему-то в этот раз к ним на помощь не пришла. И восстание почему-то быстро подавили, хотя в других республиках (да и в Армении позднее) подобные выступления имели обыкновение побеждать и провозглашать советскую власть за несколько часов до прихода советских войск. Похоже, наступление отменили, а дать отбой «трудящимся» не успели или забыли. Нехорошо получилось...

Польше и Петлюре⁴ британское вмешательство сослужило плохую службу. Для передышки после взятия Киева, кроме военных, появились и политические причины. Ведь вслед за прекращением наступления на Кавказ, что большевики исполнили, вслед за прекращением натиска на Врангеля, что они вынуждены были сделать, оглядываясь на запад, должны были начаться переговоры о мире при посредничестве англичан. Имело ли смысл предпринимать новые операции? Хотя только ими поляки могли бы предотвратить надвигающуюся угрозу.

<...>

93. Прорыв из Крыма

Правые круги, рассчитывавшие с приходом нового главнокомандующего на крутую перемену политического курса, ошиблись. Врангель проводил ту же политику, что и Деникин, — и во внешней, и во внутренней областях. Отличия были лишь в исполнении — что-то удалось лучше, что-то хуже. Вскоре после вступления в должность в беседе с журналистами Врангель заявил: «Политика

будет внепартийной. Я должен объединить все народные силы. Значительно будет упрощено мною управление страны, а сотрудники будут выбираться не из людей партий, а из людей дела. Не будет разделения на монархистов и республиканцев, а приниматься будут во внимание лишь знание и труд».

Форма правления осталась прежней. На уступки иностранцам, видевшим спасение ото всех бед в «демократии» по западному образцу, Врангель не пошел. В его приказе об управлении от 11.04 говорилось: «Правитель и главнокомандующий Вооруженных сил на Юге России объемлет всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений».

При главнокомандующем было создано правительство во главе с А. В. Кривошеиным, в прошлом одним из ближайших друзей и соратников Столыпина. Состав правительства был в основном кадетским, т. е. держался средней, «умеренной» линии.

В области внешней политики одним из первых шагов Врангеля стало отклонение британского ультиматума о мире с большевиками. И в мае британское правительство сделало официальное заявление об отказе от поддержки белогвардейцев. Но одновременно активизировалась помощь Франции. Ее министерство иностранных дел уведомило Кривошеина, что «французское правительство признает все значение русской территории — последнего убежища русских националистов. Доколе ген. Врангель не получит гарантий, обеспечивающих его войска, мы приложим усилия для снабжения его продовольствием и материалами для защиты от наступления большевиков, и наш черноморский флот будет препятствовать высадке противника на побережье Крыма. Наконец, в случае невозможности продолжения борьбы, мы будем способствовать эвакуации полуострова».

Дело было, конечно, не в особой любви французов к Врангелю, а в их покровительстве Польше. Белые выступали ее естественным союзником, способным оказать реальную поддержку. Глава французской миссии ген. Манжен взял на себя координацию действий войск Пилсудского и Врангеля (которая, впрочем, оказалась весьма условной). Главнокомандующий тоже стоял за прочный союз с Польшей. Но, как и Деникин, отказался выдавать ей территориальные и политические авансы. Французам он заявил, что «готов к соглашению чисто военного характера, не затрагивая до конца борьбы никаких щекотливых политических вопросов». Правда, формальный договор так и не был заключен. Линия Варшавы в «русском вопросе» оставалась уклончивой. Серьезных контактов с белой Россией Пилсудский всячески избегал. Если французскую, британскую, американскую миссии при Врангеле возглавляли генералы и адмиралы, то польскую — поручик. Лишь в июле–августе, оказавшись в катастрофическом положении, Пилсудский начал предпринимать реальные шаги к сотрудничеству.

Ну а русская политика Франции, как и прежде, отличалась крайним непостоянством. С одной стороны — помощь и поддержка, с другой — надуманные опасения и увязание в мелочах. Например, при попытках представителя Врангеля ген. Лукомского установить в Константинополе радиостанцию для связи с Западом, в первую очередь координации действий с поляками, он получил от командующего Франше д'Эспре⁵ категорический запрет. В дальнейшем французы пошли на уступки и согласились... созвать международную комиссию для решения этого вопроса. При Врангеле на юг стала поступать и некоторая помощь США — пулеметы, медикаменты, продовольствие. В условиях англо-французских колебаний Америка начала проводить собственную линию по отношению к белым. Причем, в отличие от европейских государств, ее помощь была совершенно бескорыстной. Никаких «интересов» в данном регионе США в то время не имели.

Что касается внутренней политики, то главным ее шагом стала аграрная реформа. Врангель считал ее краеугольным камнем своей программы, поскольку на земельных проблемах базировалась вся игра большевиков с крестьянством. Его правительством был разработан и принят «Закон о земле», объявленный приказом главнокомандующего от 7.06.20. Указывалось, что «все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев» и что «всякое владение землей сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия».

То есть за крестьянами закреплялась земля, которую они захватили в ходе революции. Но за участки, отчуждаемые у прежних владельцев, нужно было платить в течение 25 лет ежегодно $\frac{1}{5}$ урожая, среднего за 10 лет в данной местности. Лишь тогда земля переходила в полную собственность. Не говоря уж о том, что плата была куда меньше не только продрозверстки, но и «золотого» нэповского продналога, как справедливо подчеркивалось в приказе, при такой методике земля перешла бы «к настоящим хозяевам, а не ко всякому падкому на дармовщину и чуждому земле человеку». Некоторые земли возвращались прежним владельцам: выделенные в отруба и хутора, купленные через Крестьянский банк, опытные хозяйства, занятые ценными культурами и др. Возвращалась и некоторая часть помещичьих — в размерах «прожиточного минимума», который в каждом уезде должен был определяться выборными земельными советами. За остальную землю помещики получали от правительства денежную компенсацию. В общем, это был путь тех же самых столыпинских реформ, направленных на создание крепких и развитых крестьянских хозяйств (что неудивительно, учитывая фигуру Кривошеина во главе кабинета).

Врангель пытался исправить и несовершенства деникинского административного аппарата. Однако начатая им в гражданской области «борьба с канцелярщиной и рутинной» быстро заглохла. Вместо уволенных чиновников приходили другие — такие же. Вместо разогнанных учреждений приходилось создавать новые, куда перетекал тот же персонал. Отметим и то, что сам Врангель смог уделять какое-то внимание гражданским делам лишь два первых, «мирных» месяца своего правления. Дальше стало не до того. Не удалось белым наладить и пропаганду. Деникинский Осваг⁶ упразднили, но в новом «отделе печати при начальнике гражданского управления» ничего не изменилось. В нем оказались те же или такие же сотрудники — политические деятели, писатели и журналисты, оставшиеся на мели и желающие заработать, а в пропаганде ничего не понимающие. Не разбирающиеся ни в психологии «толпы», ни в формах и методах воздействия на нее. Их неумелые агитационные материалы давали в лучшем случае нулевой результат.

Учитывая, сколько вреда и разброда приносила в деникинский период политическая разногласица в прессе, терпимость к оппозиционным изданиям, в Крыму ввели цензуру. Только неизвестно, чего она больше принесла — пользы или вреда. В Крым, на небольшую территорию, стеклись со всего юга издатели, редакции газет, журналисты. Всем надо было как-то жить. А ресурсы Крыма были ничтожны, и, соответственно, держались высокие цены на бумагу, краску, типографские услуги. Учитывая еще и ограниченное число подписчиков, шанс на существование имели только официозные или полуофициозные дотационные издания. В погоне за этими дотациями газеты принялись соревноваться в ура-патриотизме, стараясь перешеголять друг дружку и обойти в получении льгот — субсидий, бесплатных материалов или гарантированных подписчиков — воинских частей и гражданских учреждений. Ну а после введения цензуры большинство крымских изданий вообще скатилось к «шапкозакидательству» и откровенной лести в адрес «верхов». Тем более что Министерство внутренних дел сумело набрать таких дубовых цензоров, которые ухитрялись делать купюры даже в высказываниях министров и публикуемых текстах речей... самого Врангеля. В итоге крымская общественность так до конца и не узнала ни о нуждах фронта, ни о его трудностях.

Новый главнокомандующий реорганизовал и контрразведку. О ней вообще стоит сделать отступление. В условиях Гражданской войны, в атмосфере, насыщенной красным шпионажем, большевистскими подпольями, изменой, заговорами, контрразведывательные органы чрезвычайно расплодились. Их старались создавать у себя не только высшие штабы, но и губернаторы, правительства, даже отдельные воинские части и гражданские учреждения. Но картины ужасов белой контрразведки, широко представленные в советской

литературе и кино, не соответствуют действительности. Скорее они перенесены из практики ЧК. Собственных тюрем и «застенок» контрразведка не имела, находясь в подчинении соответствующего штаба. Правом внесудебных расправ, в отличие от ЧК, не обладала. В ее прерогативы входило лишь предварительное дознание и арест — участь арестованных определял суд. Несмотря на размах, белая контрразведка была не «ужасной и всемогущей», как обычно ее представляют, а жалкой и беспомощной. Отношение русской интеллигенции к «сыску» было традиционно-презрительным: «Поэтому шел туда худший элемент. Лица, старающиеся держаться подальше от фронта, а то и проходимцы, поскольку деятельность открывала широкое поле для разных махинаций. По назначению попадали и фронтовики после ранения, но, как правило, старались уйти в другое место. В любом варианте личный состав в следственно-розыскной работе оказывался абсолютно некомпетентен, зато часто контрразведки становились очагами взяточничества и спекуляции. И излюбленным прибежищем красных агентов. Из-за дефицита желающих служить там большевикам удавалось проталкивать своих людей в контрразведку сплошь и рядом. А место было удобным — близость к штабам, доступ к секретным сведениям, бесконтрольность. Плюс возможность «белыми» руками разделиться с конкурентами — эсерами, меньшевиками, лидерами «зеленых».

Эта болезнь являлась общей для всех белых фронтов. Историк Томского университета З. Диль, участвовавший в расследовании убийства царской семьи, вспоминает, что в Екатеринбургскую контрразведку вход был свободным, без всякой охраны. А в здании — «чья-то оставленная контора, двери настежь, всякий желающий мог приходить и видеть или слышать, что там происходило. Охраны, тайны или конспиративности я не заметил». Впоследствии у большевистского подполья Екатеринбурга нашли полный список контрразведчиков. А Томская контрразведка перехваченные секретные письма на немецком языке посылала в университет — с просьбой перевести. Военный министр Колчака ген. Будберг⁷ называл свою контрразведку «слабенькой» и «гнилой». О слабости этого учреждения пишут в своих мемуарах и Деникин, и председатель его правительства Лукомский. Для оздоровления и профессионализации контрразведки штаб предлагал Деникину привлечь на службу бывших сотрудников жандармского корпуса. Но, учитывая непопулярность жандармов в России и одиозность в глазах общественности, Деникин на это не пошел — опасаясь дать очередное мощное оружие красной пропаганде.

Врангель на такую меру решился. Начальником Особого отдела его штаба и помощником начальника гражданского управления стал ген. Климович⁸, бывший директор Департамента полиции. И действительно, эффективность работы контрразведки заметно

повысилась. Был раскрыт зреющий заговор на флоте, раскрыта организация в Керчи, передававшая на Тамань разведданные и готовившая восстание. 22.04 арестовали собрание Симферопольского горкома РКП(б) и комсомола. 14.06 — руководителей ялтинской организации. 7.05 в Коктебеле разгромили областную партийную конференцию коммунистов, хотя многим ее делегатам удалось скрыться. Провалились и организации в Севастополе, Феодосии. Один из вычисленных большевистских эмиссаров оказался официантом в поезде главнокомандующего. Коммунисты не зря завопили о «врангелевском терроре», превосходящем «даже деникинский». Климович, подобрав себе толковых сотрудников и действуя испытанными жандармскими методами (в основном вербовкой провокаторов), все-таки сумел мало-мальски подчистить Крым от наводнявших его агентов и большевистского подполья.

В целом политическая программа Врангеля была изложена в его воззвании от 2.06.20 г.: «Слушайте, русские люди, за что мы боремся: За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь. За прекращение междоусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом. За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы Русский народ сам выбрал себе Хозяина. Помогите мне, русские люди, спасти родину. Генерал Врангель».

Правда, слово «Хозяин» вызвало много толков, взволновало левые круги и взбудоражило правые, как заведомый курс на монархию. Но Врангель в последующих выступлениях разъяснил это толкование как понятие о всенародной выборной власти. Сам он по убеждениям был монархистом. Однако в целях поддержания единства считал важным сохранять принцип непредрешения государственного устройства. Он говорил: «Мы боремся за Отечество, народ сам решит, какой быть России».

Как же реально жилось при Врангеле? Ген. Данилов, вынужденный служить в Красной армии, потом писал: «Летом 1920 г. Александровск был занят белыми, и рабочие теперь с восторгом вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули от тирании большевиков и даже, к моему удивлению, с большим удовольствием рассказывали о тех приставах и околоточных, которые вновь появились в Александровске при белых. Говорили о той свободе, которая в то время существовала в Александровске, об отсутствии беспричинных арестов и об общем довольстве всех граждан белой властью. Особенно восторженно они отзывались о генерале Врангеле».

Аналогичные отзывы Данилов слышал от крестьян и рабочих Крыма. Но в Крыму, вероятно, хвалить Врангеля стали лишь постфактум, в 21-м. А в 20-м, бывало, и недовольство выражали,

и бастовали — из-за «голода», «дороговизны», инфляции. Хотя даже перед самым падением Крыма, когда инфляция и дороговизна круто скакнули вверх и цена хлеба достигла 40–50 тыс. руб. за кг, а сала — 120 тыс. руб. за кг, средний дневной заработок рабочего составлял 250 тыс. руб. По советским меркам такая жизнь была фантастической роскошью. И голодом в Крыму не пахло. Ну а общий порядок Врангелю в самом деле удалось обеспечить на более высоком уровне, чем Деникину. Правда, это объясняется и гораздо меньшими размерами контролируемой им территории.

В конце апреля — начале мая, когда Польша гнала большевиков до Киева, Врангель был еще не в состоянии начать активные действия. Шла реорганизация армии. Она остро нуждалась в вооружении, особенно артиллерии, пулеметах, бронетехнике, утраченных при эвакуациях. Требовалось дожидаться всего этого от союзников, хотя бы в пределах необходимого минимума. Ведь сначала предстояло вырваться из Крыма. Против поляков отсюда сняли только одну кавалерийскую дивизию, а лучшие стрелковые части красных остались на месте, успели после апрельских боев пополниться и понастроить укрепленные позиции, запирающие перешейки. Выйти из Крыма было не менее сложно, чем войти в него. К тому же как раз в этот период завершалась драма в районе Сочи. Вывезенных оттуда изголодавшихся и деморализованных казаков тоже предстояло одеть, вооружить, перестроить в боеспособные части.

Единство с Польшей и нежелание мириться с большевиками достаточно красноречиво подчеркивались демонстрациями, производимыми силами флота — в основном миноносцами, канонерками, сторожевиками, где подбирались отчаянные экипажи из офицеров и юнкеров. Отряд кораблей вошел в Азовское море и 1.05 обстрелял порты Мариуполь, Темрюк, Геническ, 3.05 — Таганрог, 5.05 появился в устье Дона. Под Очаковым дерзко рейдировал миноносец «Жаркий». Нарушал морские перевозки между Одессой, Херсоном и Николаевом, высаживал на берег десантные диверсионные группы, наводившие панику в красных тылах. В неравном бою с советской плавучей батареей «Жаркий» получил серьезные повреждения и на время вышел из строя.

Параллельно шла огромная работа по реорганизации армии. В ее состав теперь входили: 1-й корпус ген. Кутепова, Корниловская, Марковская, Дроздовская пехотные и две кавалерийские дивизии (вскоре их свели в самостоятельный корпус ген. Барбовича); 2-й корпус Слащёва — 13-я и 34-я дивизии, Тереке-Астраханская бригада; Сводный корпус Писарева — 1-я и 3-я Кубанские дивизии, Чеченская бригада; Донской корпус Абрамова — 1-й и 2-й Донские кавалерийские и 3-я Донская пехотная дивизии (название «кавалерийские» оставалось чисто условным, казаки прибыли в Крым безлошадными, и обеспечить их здесь конями не представлялось

возможным). Для пополнения частей объявлялась мобилизация лиц 1900–1901 гг. рождения.

Рассчитывая на создание единого антибольшевистского фронта, Врангель 13.05 издал приказ, где говорилось: «В случае перехода нашего в наступление, мы на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма — можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, украинскими войсками и другими противокommунистическими группами. Приказываю: всем начальникам при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами соотносить свои действия с действиями войск этих групп...»

На Турецком валу главнокомандующий приказал вывесить огромный плакат: «Перекоп — ключ к Москве».

К началу июня на Перекопском направлении были сосредоточены корниловцы, дроздовцы и конница Барбовича, на Чонгарском — корпус Писарева и марковцы. Донской корпус оставался в резерве. Всего на фронте у Врангеля было к этому времени около 30 тыс. чел. За несколько дней до наступления он издал приказ № 3326: «Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне Русский Народ. Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях. Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам. Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам. Народу — земля и воля в устройении государства! Земле — волею народа поставленный Хозяин! Да благословит нас Бог!»

Операция началась 6 июня. Первый удар должен был нанести десант Слащёва, высаженный с моря южнее Мелитополя, чтобы перерезать железную дорогу, связывающую красный фронт с тылом и атаковать во фланг большевистские части, прикрывающие перешейки. 2-й корпус был переброшен в Феодосию, где погрузился на суда. Врангелю удалось обеспечить скрытность действий и дезинформировать врага. Распространялись слухи о десанте в районе Одессы. Кроме того, в день высадки была произведена демонстрация в другом месте, группа кораблей с баржами направилась в район пос. Хорлы, западнее Перекопа и начала там обстрел побережья. Настоящий десант (около 6 тыс. чел.) вышел в Черное море и ночью под носом у красных, стоящих на Тамани, проскользнул через Керченский пролив в Азовское. Лишь там капитаны кораблей вскрыли пакеты с указанием места высадки, а командиры частей — с указанием своих задач. Утром 6.06 возле села Кирилловки началось десантирование. Красные спешно бросили сюда войска, но явно недостаточные — около 2 тыс. при поддержке 6 самолетов. Слащёв опрокинул их и двинулся на Мелитополь.

На следующий день перешли в наступление части на перешейках. Кутепову на Перекопе противостояли Латышская дивизия и 3-я стрелковая, со значительным процентом «интернациональных» и «коммунистических» батальонов. Писареву на Чонгаре — 46-я (эстонская). Стоит еще раз напомнить, что сравнивать количество соединений, как это любили делать советские историки, бессмысленно. Красные дивизии в тот момент примерно соответствовали белым корпусам, а то и превосходили их в 1,5–2 раза. Как выяснилось из захваченных документов, большевики сами намечали через два дня очередной штурм Крыма! И вот-вот ожидался подход новых соединений. Белые встретили мощную оборону с несколькими рядами проволочных заграждений, усиленную артиллерией, в том числе тяжелой. Например, у Чонгарского моста разрывом одного лишь крупнокалиберного снаряда почти полностью уничтожило роту марковцев. На месте сарая, где она расположилась, образовалась огромная воронка, в которой копошились умирающие. На прорыв укрепленных полос были брошены танки и броневики. Сражение шло жесточайшее. Латыши, установив орудия между домами деревень, превращенных в оборонительные узлы, вели огонь в упор. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. Обе стороны несли огромные потери. Латышская дивизия за один день потеряла 1100 чел. Но серьезный урон был и у белых. Например, в Дроздовской дивизии, тоже за один день, выбыла из строя половина командного состава. Постепенно Кутепову удалось проломить оборону и продвинуться на 10–20 км. Однако к вечеру красные ввели в бой резервы и вновь заставили его отойти почти до самого Перекопа.

На флангах было чуть лучше. На левом после прорыва фронта части противника прижали к морю. На правом — десант Слащёва подошел к станции Акимовка, где его остановила стянутая сюда группировка красных с несколькими бронепоездами. В последующие два дня продолжались упорные бои на тех же позициях. Лишь к 9.06 наметился перелом. Слащёв сломил сопротивление большевиков под Акимовкой и взял Мелитополь, перерезав железную дорогу Симферополь — Синельниково, главную магистраль, на которую базировалась 13-я советская армия. Но основным силам соединиться со Слащёвым все еще не удавалось, он продолжал действовать в отрыве. Более того, 10.06 красные перешли в ранее намечавшееся наступление. К этому времени из резервов к ним подошли 15-я Инзенская стрелковая и 2-я Ставропольская кавалерийская дивизии. Ночью 2-я кавдивизия скрытно прошла в белые тылы и нанесла удар по селу Новоалексеевка, где располагались штаб и некоторые части Чеченской бригады, частично вырубив их, частично взяв в плен вместе с командиром ген. Ревизиным. Спаслись всего 7 чел., в том числе два малолетних сына Ревизиных, которые хотели ехать вместе с увозимым отцом, но были выброшены из автомобиля.

А утром перешли в атаку пехотные полки. Вновь завязались тяжелые встречные сражения. Врангель тоже ввел в бой резервы — Донской корпус. Правда, тут же со всех сторон посыпались жалобы крестьян — казаки, вывезенные в Таврию пешими, усиленно обзаводились лошадьми. Ни меры командиров частей, ни грозные приказы главнокомандующего против таких грабежей не помогали. Зато на фронте быстрое «самостийное» превращение донцов в нормальную кавалерию принесло положительные результаты. Красное наступление захлебнулось, едва начавшись. Прежние части, противостоящие белым, были уже серьезно повыбиты, а ввод в бой двух свежих соединений привел только к местным успехам.

12.06 белые взяли г. Алешки (ныне Цюрупинск) напротив Херсона, выйдя на левый берег Днепра от устья до Каховки. В тот же день начало улучшаться положение на центральном участке фронта, оказавшегося вогнутым, как дуга. Охватываемые с флангов красные, все еще сопротивлявшиеся вблизи крымских перешейков, стали пятиться. Корпус Слащёва два дня находился в тяжелом положении. Обложенный с трех сторон, он отбивал от Мелитополя атаки врага. Но потом наконец-то соединился с наступающими главными силами [476] армии, и совместными усилиями большевики здесь были разбиты. Белые двинулись вперед и на этом направлении.

В освобожденный Мелитополь приехал Врангель, восторженно встреченный толпами населения, высыпавшего на улицы. Хотя, как пишет очевидец, большинство людей еще не верили своему избавлению и боялись даже открыто высказываться, опасаясь возвращения красных. 22.06 в город переехала полевая Ставка главнокомандующего. Наступление все продолжалось. Десантный отряд капитана 1-го ранга Машукова взял Бердянск и соединился с войсками Слащёва. На севере фронт остановился у пос. Васильевка, 45 км не дойдя до Александровска (Запорожье).

Операция по выходу из Крыма завершилась. Успехи были значительными. Белые взяли 10 тыс. пленных, 47 орудий. В результате выхода к Днепру войска 13-й красной армии оказались рассеченными на две части — правобережную и левобережную. Была освобождена территория в 300 км по фронту и 150 км в глубину. Сам по себе прорыв в богатую Таврию обеспечивал белогвардейцев продовольствием, конским поголовьем и другими ресурсами. Но многие факторы можно отнести и к неудачам. Русская армия понесла серьезные потери (в корпусе Кутепова выбыла четверть личного состава). А восполнять их было куда сложнее, чем красным. Достичь полного разгрома 13-й армии не удалось. Сильно потрепанная, она устояла, сохранив целостность фронта. На оперативный простор Врангель не вырвался — советское командование все же смогло навязать Русской армии гибельную для нее позиционную войну в замкнутом пространстве. И самое главное, поляки уже сдали Киев, откатив-

шись к Случи и Горыни, находились в 200 км от Днепра и в 500 км от белых. Повторилась история 1919 г., когда Врангель наступал на Царицын для соединения с Колчаком.

94. Каховка, Каховка...

После выхода из Крыма Русской армии пришлось сражаться почти без передышек. Еще шло, выдыхаясь, ее наступление в Таврии, а советское командование уже готовило контрудар. Учитывая опыт побед над Деникиным путем прорыва фронта мощными конными группировками, с Северного Кавказа сюда был переброшен 1-й отдельный кавкорпус Жлобы, созданный на базе кавкорпуса Думенко. Реорганизованный и пополненный, он представлял из себя грозную силу — 12 тыс. сабель, 6 броневиков, артиллерия. Дополнительно против Врангеля направлялись 52-я (польская) и 40-я стрелковые дивизии, возвращалась из резерва переформированная 42-я. План предусматривал сходящимися ударами отсечь белогвардейцев от крымских перешейков, расчленив и уничтожить в Таврии, не дав уйти в Крым. Для этого с запада должны были наступать Латышская и 52-я дивизии, им предписывалось форсировать Днепр у Каховки и двигаться на Перекоп. С востока наступала ударная группа Жлобы. Кроме своих сил, ему придавались 2-я Ставропольская кавдивизия Дыбенко⁹, 40-я дивизия с двумя конными бригадами, 9 самолетов, броневики, а для закрепления успехов — 42-я дивизия. Этот кулак нацеливался на Мелитополь, Ставку Врангеля, должен был рассечь Русскую армию на части и выйти в тылы для ее окружения.

28 июня операция началась. В районе станции Токмак группа Жлобы обрушилась на 2-ю Донскую дивизию белых. У села Черниговки произошло редкое сражение броневиков. Белые и красные машины бились между собой тараном. Очевидец пишет: «Машины ударились лоб в лоб, отскочили назад, снова столкнулись, норовя ударить в бок. Яркими брызгами искрилась сталь, яростно дымились выхлопные трубы. Наконец, перевернулся набок один броневик, второй, третий, четвертый вздыбился и запылал. Поле заволочло клубами черного дыма».

Белые в этом бою потеряли 4 машины, красные — 3. А за броневиками катилась лавина конницы. На два казачьих полка налетели двенадцать красных. Конечно, казаки были разгромлены. Знаменитый Гундоровский полк в жестокой сече погиб почти целиком. Другие части 2-й Донской дивизии, шедшие на выручку, Жлоба отбросил. Численное неравенство усугублялось тем, что часть донской конницы все еще оставалась безлошадной. Группировка Жлобы двинулась в глубину расположения белых. На ее южном фланге 40-я дивизия нанесла поражение 3-й Донской и вышла к Азовскому морю у Ногайска (ныне Приморск), фронт был прорван.

1.07 началось красное наступление и на западном фланге. Войска переправились через Днепр и после упорных боев заняли Каховку. Однако здесь им не дали продвинуться глубже, остановили контратаками и заставили перейти к обороне. Жлоба рвался к Мелитополю. Чтобы задержать его, Врангель бросил авиацию. Преимущества в воздухе, как это любят утверждать красные мемуаристы, белогвардейцы не имели. Просто советские самолеты были «поделены» между различными участками фронта (точнее, между штабами), а врангелевцы сосредоточили против Жлобы основную часть воздушных сил, 20 машин во главе с командующим, ген. Ткачевым. Разогнав большевистскую авиацию, прикрывающую прорыв, они бомбили конницу, обстреливали из пулеметов. Израсходовав боекомплект, просто распугивали лошадей, проносясь на бреющем полете. Заставляли рассредоточиваться. Пользуясь расстройством вражеских колонн, бросались в контратаки белые пехотные части, срочно переброшенные на это направление, останавливали и вынуждали оттягиваться назад. Жлоба перешел на ночное движение, но летние ночи короткие, и темп его наступления упал.

Врангель стягивал все, что можно, с пассивных участков фронта. Он сумел собрать три пехотные и одну кавалерийскую дивизии, отдельные части общей численностью 11 тыс. чел. с броневиками и бронепоездами. Красных старались обложить со всех сторон. 3.07 белые перешли в контрнаступление против обеих большевистских группировок. Под Каховкой советские войска сбили с плацдарма и отбросили за Днепр. Жлоба в это время находился уже в 15 км от Мелитополя. Испуганные жители то и дело ходили на станцию смотреть, не ушел ли поезд Врангеля. А севернее города кипел бой. Сначала красные достигли некоторых успехов, 2-я Ставропольская дивизия Дыбенко сбила части корниловцев, угрожая прорывом, но удар нескольких самолетов остановил напор красной конницы. Все же Дыбенко смог отступить в относительном порядке, хотя и с серьезными потерями, а основные силы корпуса Жлобы, атакованные с разных сторон, смешались. Управление частями было потеряно, они не устояли и покатались кто куда. Одни на восток, других дроздовцы с броневиками погнали на север, к железной дороге, под огонь бронепоездов, замкнувших кольцо в районе Токмака.

В результате корпус был полностью разгромлен, отдельными группами пробиваясь к своим, преследуемый и добываемый. Вышла из белых тылов лишь четверть первоначального состава. Операция по уничтожению Врангеля провалилась. Белые захватили 11,5 тыс. пленных, 60 орудий и другие трофеи. Но и развить свой успех Русская армия была не в состоянии, повыбитая и измотанная непрерывными боями, перебросками частей с участка на участок. А восполнять потери было чем дальше, тем труднее. В то время как большевики наращивали силы, белые войска таяли. С разгромом

и отступлением поляков надежды на соединение с ними становились все более нереальными, и какую-то помощь приходилось искать поблизости. Сохранялась надежда на поддержку Дона, однако пробиться туда в сложившейся ситуации Врангель не мог. Тогда он решил направить на Дон десант, поднять казаков на восстание.

9 июля восточнее Мариуполя высадился отряд в 800 чел. под командованием полковника Назарова и занял станицу Новониколаевскую. Но красные, учитывая опыт предыдущих операций белого флота, к этому времени создали свою Азовскую флотилию из 13 кораблей — попавших к ним в руки в различных портах канонерок, сторожевиков, вооруженных артиллерией пароходов. Выведенная в море, она встретила суда, везущие подкрепления Назарову, и после полуторачасового боя вынудила их повернуть обратно. После чего начала бомбардировку Новониколаевской, к которой подтягивались армейские части. Сила и значение десанта красными значительно преувеличивались. Для его ликвидации была создана целая войсковая группа из одной пехотной и двух кавалерийских дивизий. 15.07 после тяжелых боев Назарову удалось прорваться на восток и двинуться рейдом по станицам. За счет присоединившихся казаков его отряд вырос до 1,5 тыс. чел. Но никакого восстания не произошло. Дон был обескровлен. Одни казаки погибли в боях, другие ушли с белыми, находились в советском плену, вымерли от тифа или были подметены мобилизациями. Станицы стояли полупустые. Население жило впроголодь, не в силах прокормить не только Назарова, но порой и себя. Многие в попытках бегства от красных зимой 1919/20 г. потеряли все имущество. В дополнение всех бедствий на Дону объявилась эпидемия чумы.

Большевистские войска преследовали Назарова по пятам и в районе Константиновской окружили его, прижав к Дону. Отряд был разгромлен. Часть погибла, часть рассеялась. Назаров с небольшой группой уходил за Маньч, где его настигли и добились. Сам он спасся и вскоре был задержан. При аресте сумел выдать себя за обычного дезертира, потом сбежал и осенью добрался до Крыма... Единственным положительным результатом десанта стало то, что он на время оттянул значительные силы красных.

В середине июля на фронте настало относительное затишье. Обе стороны усиленно готовились к очередной схватке. Врангель — к новому наступлению, красные — к новой попытке его уничтожить. За счет мобилизации в Таврии, за счет тыловых частей и гарнизонов, за счет пленных белому командованию кое-как удалось пополнить поредевшие части. К концу месяца Русская армия насчитывала на фронте 35 тыс. чел., 178 орудий, 38 самолетов. У красных на тот же момент было 46 тыс. чел., 270 орудий, 45 самолетов. Правда, эти цифры не учитывают подкреплений, шедших на юг и вводимых в действие в ходе операции. А было их немало — дополнительно

сюда перебрасывались четыре стрелковые, одна кавалерийская дивизии, три бригады, семь бронеотрядов (28 машин) и другие части. В числе этих войск была и знаменитая 51-я дивизия Блюхера, подтягиваемая из Сибири. Уже упоминалось, что после переброски многих соединений с Восточного фронта против Деникина остающиеся там части имели обыкновение укрупняться. 51-я была из числа «гигантов». Если в белых дивизиях состояло по 3 полка, в красных стрелковых — по 9, а в кавалерийских — по 6, то в дивизии Блюхера было 16 полков (по 1–2 тыс. чел. в каждом), своя артиллерия, конница. Поэтому не удивляйтесь, что это соединение чаще других будет фигурировать в описании операций против Врангеля. Шла реорганизация и в частях, находившихся на фронте. Из остатков корпуса Жлобы, 2-й кавдивизии и др. была создана 2-я Конармия численностью около 9 тыс. чел., которую возглавил Городовиков. Учитывая недостатки, выявившиеся в боях, авиация объединялась под единым командованием И. У. Павлова. А командующим 13-й армии вместо Эйдемана стал Уборевич. Наступление планировалось на начало августа, но белые опередили его.

25.07 корпус Кутепова ударил на север, в направлении на Александровск и Екатеринослав. Марковцы и дроздовцы нанесли поражение 3-й и 46-й советским дивизиям, одна из «интернациональных» бригад была окружена, два ее полка, венгерский и латышский, полностью погибли. В образовавшийся прорыв вошла кубанская конница ген. Бабиева. Белые заняли г. Орехов. Для развития успехов Врангель перебросил сюда и кавкорпус Барбовича. Опомнившись, большевики стали бешено контратаковать. Наступление продолжалось, хотя и ценой больших потерь. Вскоре белым удалось занять крупный железнодорожный узел Пологи, а 2.08 — Александровск, обойденный кавалерийским рейдом. Значительный успех был и на восточном фланге, где Донской корпус, руководимый лично атаманом Богаевским, разгромил 40-ю красную дивизию.

И на этом победы закончились. Белые части выдыхались, неся существенный урон. А красные, пользуясь численным преимуществом, быстро латали дыры в обороне и, дождавшись подхода свежих соединений, сами перешли в наступление. Русская армия стала отходить на прежние позиции. 4.08 она оставила Александровск, через два дня — Орехов и Пологи. 8.8 пал Бердянск. Тогда большевики начали задуманную операцию. План ее оставался все тот же — удары с запада на Перекоп и с северо-востока — на Мелитополь. Только готовились они уже намного тщательнее. Для форсирования Днепра была опять выбрана Каховка. Ширина реки тут сужалась до 400 м, левый берег без плавней, ровный и удобный для высадки, а возвышенный правый огибал Каховку полукольцом, давая возможность установить на нем артиллерию и обстреливать противника. Кроме Латышской и 52-й, сюда направили 15-ю дивизию, понтонные части,

два дивизиона тяжелых орудий. Скрытно сосредоточивались лодки, материалы для моста, плоты. Поддерживала переправу Днепровская флотилия из 4 пароходов, 5 катеров и 2 плавбатарей.

В ночь на 7.8 красные авангарды двинулись через Днепр. Опрокинули белогвардейцев и захватили Каховку. А в тылу у них инженерные части тут же приступили к наводке моста, по которому потекли главные силы. Вина целиком легла на ген. Слащёва, чей корпус оборонял рубеж Днепра. Всеми своими успехами — победами над Махно, обороной Крыма, десантом на Мелитополь — он был обязан полупартизанской тактике лихих атак, отчаянных рейдов. Переход к позиционной войне оказался не для него. Должной разведки Слащёв не вел и вообще на задачу прикрытия Днепра смотрел свысока, рассчитывая, что если противник и рискнет переправиться, будет легко вышибить его контратакой, как он неоднократно делал в Крыму. Хотя это была уже вторая попытка переправы в том же месте, красные застали Слащёва врасплох. Главный их удар пришелся прямо по его штабу, находившемуся в Каховке. А в штабе той ночью обильно отмечали чей-то день рождения...

К полудню, приведя части в порядок, Слащёв стал контратаковать. Поздно. На левом берегу находилось уже слишком много сил. А южнее переправлялась 15-я дивизия. Понесла жестокие потери, но заняла г. Алешки и несколько других населенных пунктов. Преодолевая упорное сопротивление, красные стали теснить 2-й корпус в направлении Перекопа. Тем временем в Херсоне большевики в одночасье мобилизовали все «нетрудовые элементы» — буржуазию, интеллигенцию и пр. Поголовно — мужчин, женщин... И на баржах перебросили в Каховку — строить укрепления под руководством Карбышева. Рылись окопы, насыпались валы, готовились артиллерийские позиции. По Днепру шли материалы, и устанавливались ряды проволочных заграждений. Приказ Блюхера, назначенного комендантом укрепрайона, гласил: «Оборонительные работы вести круглые сутки». Три дня и три ночи выбивались из сил подневольные люди. Так создавалась знаменитая «Каховка». Позаботились ли их вывезти к началу боев? Или милостиво отпустили на четыре стороны, предоставив добираться 90 км своим ходом? История об этом умалчивает. А на плацдарм с 10.08 начали прибывать части огромной 51-й дивизии.

Началось наступление и с востока. 2-я Конармия, усиленная 1-й стрелковой дивизией, двинулась по тому же пути, что Жлоба, — от Токмака на Мелитополь. Прорвать фронт ей удалось, 11.08 она оказалась в тылах белых, удерживающих станцию Токмак. А вот углубиться в расположение Русской армии Городовикову не дали. Корпус Кутепова нанес ему удар во фланг, потрепав 20-ю кавалерийскую и 1-ю стрелковую дивизии, задержав их и вклинившись между ними и тремя кавдивизиями, вырвавшимися вперед. Армия

была рассечена надвое. К вечеру ее головная группировка повернула на обратный прорыв. Ожесточенное сражение продолжалось и на следующий день. Сначала не выдержала и стала отходить красная пехота, а за ней и конница.

После ликвидации прорыва Врангель тут же снял с правого фланга корпус Барбовича с броневиками и направил на левый, где атакующие большевики продвинулись уже на 20–30 км. Вместе со Слащёвым Барбович остановил красных, погнал назад к Днепру. И натолкнулись на сильно укрепленный Каховский плацдарм — несколько мощных линий обороны, достигавшей 15 км в глубину и занятой свежими частями 51-й дивизии. Местность, опутанная сетью проволочных заграждений, была пристреляна, и свыше 50 орудий вели огонь по «квадратам». Все атаки на Каховку разбились с серьезными потерями. Вzbешенный Слащёв не преминул обвинить во всех грехах Врангеля, выискивая его «ошибки» и упущения. Но Врангель гораздо менее был склонен терпеть в своей армии очаги смуты, чем Деникин. Учитывая, что в интригах против командования Слащёв отмечался и раньше, а катастрофа произошла из-за его собственной недисциплинированности, главнокомандующий сместил его с должности. Правда, с почетом. За прошлые заслуги присвоил титул Слащёв-Крымский и отправил «в отпуск по состоянию здоровья». Корпус принял ген. Витковский¹⁰. А над Перекопом остался висеть дамоклов меч Каховского плацдарма.

<...>

97. Кубанский десант

11 августа 1920 г., когда Польше приходилось совсем худо, Франция опубликовала заявление: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверения относительно верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство ген. Врангеля фактическим правительством Южной России».

Это было первое (и единственное) официальное признание Западом белогвардейских правительств. Поскольку даже Колчак такового не удостоился, то можно полагать, что белых так «зауважали», лишь увидев большевиков, рвущихся в Европу. И Англия одумалась, решив возобновить поставки Врангелю. Да и Польша, до того игнорировавшая белогвардейцев, только теперь разглядела в них союзников и начала присылать через Румынию части ген. Бредова, еще с февраля интернированные в ее лагерях.

Однако Врангель тоже находился в тяжелом положении. «Военные успехи», отмеченные Францией, конечно, были, но они не носили решающего характера. Русская армия, вышедшая из Крыма, осталась запертой в Северной Таврии. Красные имели численный

перевес и непрерывно подтягивали свежие силы. Фактически белым удавалось держаться лишь постоянными перегруппировками одних и тех же частей, что изматывало войска, а интенсивность боев вела к большим потерям. Становилось ясно, что такая война рано или поздно до добра не доведет. Чтобы добиться перелома, взять в свои руки стратегическую инициативу, требовались какие-то новые, кардинальные решения. И с июля начал разрабатываться план крупного десанта на Кубань.

План вовсе не был авантюрным, как его впоследствии классифицировала советская история. Он основывался на объективных предпосылках и с точки зрения закономерностей Гражданской войны давал надежду на крупный успех. Хотя политика казачьего геноцида коммунистами больше не проводилась, но «нормальная» советская власть тоже была штукой несладкой. И те же дезертиры, те же «зеленые» снова пошли в леса и плавни. То там, то здесь вспыхивали восстания. По большевистским данным, на Кубани насчитывалось около 30 крупных отрядов общей численностью 13 тыс. чел. Самый значительный — «армия возрождения России» ген. Фостикова — достигал 5,5 тыс. чел. с 10 орудиями и 35 пулеметами. Одержав ряд побед над красными, Фостиков занял Баталпашинский и часть Лабинского отделов. В общем, ситуация напоминала 1919 г. на Дону, когда в тылу у врага полыхало Вешенское восстание и прорыв к нему относительно небольших сил привел к крупному разгрому красных и освобождению значительной территории.

Для связи к Фостикову Врангель направил полковника Меклинга с группой офицеров, а чтобы не возникло более недоразумений с казачеством, 4.08 заключил договор с правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани, находившимися в Крыму, согласно которому казачьим войскам обеспечивалась полная независимость во внутреннем устройстве, их представители вводились в состав южнорусского правительства, а главнокомандующему предоставлялась вся полнота власти над казачьими вооруженными силами. Кубанское правительство состояло из тех же самостийников, но, очутившись в Крыму, они стали гораздо сговорчивее.

Подготовка велась долгая и основательная, однако в Кубанской операции все с самого начала пошло наперекосяк. Несколько раз она откладывалась. Из-за необходимости вывести с фронта кубанские части, естественно, кем-то заменив их. Из-за ликвидации красных прорывов, угрожавших самому существованию армии. Из-за ожидания первых эшелонов бредовцев, чтобы обеспечить десант регулярной пехотой. Вопрос с пехотой вообще стоял очень остро, поэтому значительную ее часть составили юнкера Корниловского и Алексеевского училищ.

Скрытность операции на этот раз почти не соблюдалась. Уроженцам Кубани из других частей даже предоставили возможность

перевода в части, предназначенные для десанта. Казаки, отъезжая «домой», грузились на корабли с семьями, со всем скарбом. Ехали члены Рады, общественные деятели. О десанте открыто говорилось на базарах. Правда, большевики оказались все же не готовы к его встрече. Возможно, приняли столь откровенную шумиху за очередную дезинформацию и ожидали высадки в другом месте — снова на Дону, на фланге фронта. А возможно, просто прохлопали ушами из-за обычной халатности. Однако кое-какие части они все же стянули к Тамани, Новороссийску, Ейску. В десант назначались конные дивизии Бабиева и Шифнер-Маркевича, пехотные части Казановича: всего 8 тыс. чел. при 17 орудиях, под общим командованием ген. Улагая. Вместе с прочими желающими ехать на Кубань набралось аж 16 тыс. Суда грузились в Керчи и по ночам выходили в Азовское море, рассредоточиваясь там.

В ночь на 14.08 эскадра соединилась и двинулась к станице Приморско-Ахтарской. Подавив огнем кораблей слабое сопротивление врага, белые начали высадку. Авангард конницы под личным командованием Улагая тут же рванулся в направлении на Тимашевскую, чтобы с ходу овладеть этим важным железнодорожным узлом, выводящим на подступы к Екатеринодару. Большевики поначалу запаниковали, ударились в бегство. У населения при этом забирали всех лошадей, чтобы не достались белым. Там, где успевали, старались угнать и мужское население. Казаки, уже приученные белыми и красными мобилизациями, при таких попытках прятались по плавням. Против десанта сперва бросили лишь малочисленную 1-ю Кавказскую кавдивизию с 9 орудиями. Она смогла некоторое время продержаться и клевать белых наскоками. К ней подтягивались подкрепления — бронепоезд, кавбригада Балахонова. Но потом завершила высадку дивизия Бабиева и под станицами Ольгинская и Бриньковская разгромила большевиков. Бригада Балахонова вырвалась, а 1-я кавдивизия была уничтожена, как и бронепоезд. Сам командующий 9-й красной армией Левандовский едва сумел спастись.

Белые войска стали расходиться широким веером. На левом фланге генерал Бабиев вел свои части на станицу Брюховецкую. В центре пехота Казановича пошла следом за авангардом Улагая на Тимашевскую. А на правом фланге дивизия Шифнер-Маркевича устремилась на юг, на Гривенскую. Вершиной «веера» стала Приморско-Ахтарская, где остались штаб, вся «гражданская» часть десанта и небольшое прикрытие. Все начальники подобрались лихие и безудержно гнали вперед. Начальник штаба ген. Драценко безудержно предостерегал Улагая об опасности такой тактики, требовал обратить внимание на фланги. Высадка затянулась на 4 дня. Когда она завершилась, наступающие белые части были уже в 50–80 км от штаба и тыловой базы. В общем-то Улагай и его начальники дивизи-

зий попытались повторить тактику 18-го года: стремительный марш вперед, победа, общее восстание — и большевики бегут. Но в 20-м и Кубань была уже не та, и красные не те. Подведя с севера дополнительные силы, они решили перерезать основание «веера». Сбили слабый заслон, оставленный в Бриньковской, и двинулись на юг, к железной дороге Приморско-Ахтарская — Тимашевская, чтобы отсечь главные силы от тыловой базы. Драценко приказал Бабиеву немедленно восстановить положение. Тот вернулся, отбросил большевиков и снова, оставив лишь слабый заслон юнкеров, пошел на Брюховецкую. 18.08 он занял ее. Одновременно части Улагая и Казановича взяли Тимашевскую, Шифнер-Маркевича — Гривенскую, Новониколаевскую и ряд других крупных станиц. Развивая наступление, белые подошли на 40 км к Екатеринодару. Советские учреждения в панике бежали оттуда. Ожидали, что вот-вот Кубань взорвется общим восстанием. С востока активизировались повстанцы Фостикова¹¹, намереваясь пробиться на соединение с Улагаем.

В этот день под Анапой Врангель высадил еще один десант — 1,5 тыс. бредовцев, юнкеров и черкесов под командованием ген. Черепова. Но красные уже успели прийти в себя и стягивали против десантов силы, многочисленные, хоть и разбросанные по всему Северному Кавказу и Азовско-Черноморскому побережью. С севера после ликвидации отряда Назарова подходили 9-я и 2-я Донская стрелковые дивизии. Собирались полки и бригады, стоявшие гарнизонами против повстанцев. Перебрасывались войска из Азербайджана, запасные части. В городах шли сплошные мобилизации, «неделя борьбы с Врангелем» сменялась «неделей красного добровольца». Для общего руководства из Баку был срочно вызван Орджоникидзе. А чтобы не дать Врангелю подбросить на Кубань новые части, в Таврии началось еще одно наступление 13-й и 2-й Конной армий.

Черепову вообще удалось продвинуться только на 8–10 км от берега. На него навалилась 22-я красная дивизия. Прибыл связной от «зеленых», которых в этих местах хватало и состоявших теперь в основном из белогвардейцев, укрывшихся в горах после падения Новороссийска. Однако продержаться до их подхода десант не сумел, расстреливаемый 20–30 красными орудиями. Присоединившаяся группа из 15 «зеленых» предлагала провести отряд в обход артиллерии врага горными тропинками. Черепов не решил им довериться. Через пять дней десант, понесший большие потери, был эвакуирован.

Начались и активные операции против Улагая. Воспользовавшись уходом белых кораблей прикрытия (посчитавших свою задачу выполненной), к Приморско-Ахтарской подошла красная Азовская флотилия и устроила интенсивную бомбардировку. Одновременно с севера возобновилось наступление на железную дорогу с целью отсечь десант от тыловой базы. Заслон юнкеров, выбитый из Бриньковской, еле держался. Штаб, оставшийся в Приморско-Ахтар-

ской, давно потерявший связь с главными силами, и гражданское население, приехавшее с десантом, вот-вот могли быть отрезаны, прижаты к морю и уничтожены. Пришлось составлять огромный железнодорожный состав, чтобы пробиться к Тимашевской, к своим войскам. Поезд, набитый тысячами людей, еле тащился. У станицы Ольгинской штабу пришлось вылезать из вагонов и вместе с истекающими кровью юнкерами ложиться в цепь, отбивая атаки. Едва проскочили — сразу после этого красные перерезали дорогу. И отсекли десант от берега.

28.08 наступление на Улагая развернулось и с фронта. Тимашевская, атакованная 2-й Донской дивизией и отдельной бригадой, несколько раз переходила из рук в руки, но осталась за красными. Под усиливающимся напором советских частей войска Улагая стали пятиться. На какое-то время еще получилось нормализовать положение. В пос. Ачуев создавалась новая приморская база, сооружалась пристань. Штаб и тыл были переведены в ст. Гривенскую. В ночь на 25.08 Врангель высадил третий десант, на Тамани — около 3 тыс. чел. под командованием ген. Харламова, чтобы занять переправы через Кубань у Темрюка и ожидать подхода частей Улагая, откатывающихся на запад. Это дало бы по крайней мере возможность сохранить на Кубани крупный плацдарм. Своей задачи Харламов выполнить не сумел. Занял Таманскую, выбил красных с полуострова, а на перешейках они его остановили.

Тем временем в результате упорных боев большевики заняли станицу Степную, где проходила единственная дорога через обширные болота. Группа Улагая оказалась разрезанной надвое. Ее северную часть, дивизию Бабиева, потерявшую связь со штабом, оттесняли к болотистым лиманам и плавням, в места, неудобные для действий конницы. Несмотря на ожесточенные контратаки, вернуть Степную не удалось. По Кубани и р. Протоке красные направили на трех пароходах десант — около 1 тыс. чел. под командованием Ковтюха. Пройдя ночью, под прикрытием тумана, линию фронта, он нанес удар по Гривенской, по тылам и штабу Улагая. Одновременно 9-я советская дивизия перешла в наступление на Новониколаевскую — в 18 км восточнее, где держались части Казановича и Шифнер-Маркевича. Ковтюх, вызвав панику, ворвался на окраины станицы. Пленных не брали, истребляли, кого могли. Опомнившись от неожиданности, работники штаба и охрана организовали оборону. Станица оказалась разделенной пополам. Началось отступление белых из Новониколаевской, ускоренное боем в тылу. Когда подошли строевые части, Ковтюха из станицы выбили, но по пятам уже двигались красные полки, и снова за Гривенскую завязались бои.

Под прикрытием арьергардных сражений десанты стали эвакуировать. Общего восстания на Кубани не получилось. Правда, к Улагая во время его наступления примкнули свыше 10 тыс. казаков, но боль-

шинство из них были безоружными, и использовать их на фронте не смогли. Когда продвижение остановилось, приток добровольцев резко сократился. Даже по объявленной мобилизации станицы с 30-тысячным населением давали по 120–150 чел. А в период отступления желающих вовсе не стало. В последних числах августа началась посадка на корабли северной группы Бабиева, а в южной — безоружных добровольцев, тылов и гражданской публики.

1.09 красные прорвали оборону на таманских перешейках, подтянув большое количество артиллерии. У белых из трех находившихся на фронте орудий два вышли из строя. Понеся большой урон, бредовцы и донской полк, потерявший командира, стали отходить. Страшно пострадали юнкера, прикрывавшие эвакуацию. Часть войск была отрезана и пробивалась группами по 30–50 чел. К середине следующего дня таманский десант эвакуировали. Миноносец «Жаркий» подбирал оставших защитников, прикрывая их огнем от красной кавалерии. Еще несколько дней он курсировал у берегов, спасая укрывшихся в тростниках людей. Пленных большевики на Тамани не брали.

К 7.09 из Ачуева завершилась и эвакуация главных сил Улагая. Она прошла в полном порядке. Несмотря на тяжелые условия — шторм разрушил пристань, было вывезено все, и личный состав, и лошади, и артиллерия, и даже броневики. Русская армия снова была заперта в Крыму и Таврии. Единственным положительным результатом операции стало получение существенных пополнений. Несмотря на потери, особенно жестокие среди пехоты и юнкеров (вместо 100 в ротах осталось по 30–40 чел., в одной — 8), десант вернулся в удвоенном составе. Привезли и 6 тыс. лошадей, давая возможность усилить конницу.

Ну а красные навалились на повстанцев Фостикова. Его «армию возрождения России» вскоре разбили. Потеряв всю артиллерию, почти без патронов, она была прижата к горам. С двумя тысячами казаков Фостиков двинулся через Краснополянский перевал и вышел на побережье в районе Сочи. С ходу атаковал Адлер и выбил оттуда противника, продвинулся до Хосты. В Адлере он захватил несколько тысяч патронов, позволявших продержаться несколько дней. Для связи с Врангелем через Батум отправил офицера с просьбой прислать боеприпасы и несколько орудий — Фостиков намеревался потом вернуться на Кубань. Но большевики двинули от Туапсе новые силы. Выдерживать их натиск казаки оказались не в состоянии. Они отступили в Грузию, где были обезоружены. Через несколько дней к Гаграм подошли корабли Врангеля, обстреляли грузинские войска и вывезли казаков в Крым. Впрочем, не исключено, что обстрел был инсценировкой. Грузины уже видели, что случилось с Азербайджаном, поэтому могли просто отдать интернированных Врангелю, разыграв насильственный увоз.

98. Признать фронт главным...

Как уже отмечалось, 5.08.20 пленум ЦК РКП(б) постановил признать приоритет врангелевского фронта перед польским. А 19.08 Политбюро приняло решение «Признать врангелевский фронт главным...».

В чем же дело? Ведь первая дата соответствует уверенному броску Красной армии на Варшаву, открывавшему перспективы «мировой революции», а вторая — катастрофе на Висле, где гибло пять армий. И вдруг — главным врагом признается маленькая армия Врангеля, теснящаяся на пятачке Таврии? Разгадка лежит во внутренней обстановке. Шел тот самый процесс, на который надеялись белогвардейцы: Россия все шире поднималась против большевизма. Победы над Колчаком и Деникиным уничтожили основные очаги сопротивления, но они же вскрыли лживость советских обещаний, — мол, стоит покончить с белыми, и все изменится к лучшему.

Продолжались бесчинства ЧК, лето принесло новую продрозверстку. 9.07 Ленину пишет из Омска Смирнов: «Половина Алтайской и Томской губерний охвачена кулацким движением, которое мы подавляем вооруженной силой».

(Это после «колчаковщины»!) В Башкирии только весной было подавлено крестьянское восстание «Черного орла», а летом началось новое, под руководством З. Валидова¹², которого коммунисты, переманив от белых и используя, обвинили потом в «национализме» и выкинули за ненадобностью вместе с проектами башкирской автономии. Валидовский «ревком» бежал в горы, где встал во главе повстанцев. Независимо от него действовали казачьи отряды есаулов Звездина и Выдрина, снова всколыхнулось движение «Черного орла». Уфимская губерния была объявлена на военном положении. Крупные формирования «зеленых» возникли на границах с Пермской и Челябинской губерниями. Повстанцам даже удалось временно захватить г. Златоуст.

Рядом, на Урале, — мощное восстание Сапожкова¹³. Того самого бывшего красного комдива, который оборонял от казаков Уральск и удостоился приветственной телеграммы Ленина. Теперь о Сапожкове Ленин слал другие телеграммы: «2.8.20... Пресекать в корне всякое сочувствие и тем более содействие местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти, в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей, от селений, лежащих на пути следования отряда Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможное содействие».

В Дагестане возглавил восстание имам Гоцинский. После «целого ряда ошибок, допущенных на местах и в центре Дагестана» большевиками, горцы Гунибского, Аварского и Андийского округов под лозунгом «имамство и шариат» сбросили советскую власть... На Левобережной

Украине — Махно. Правобережная снова кишела отрядами, бандами, мятежами. Волнения и восстания начались в Донбассе, на Кубани. 2.08.20 Ленин писал Сталину: «Из Кубани и Донбасса получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля».

А 28.08, в связи с десантом Улагая: «Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика крахнет...»

Начались волнения в Воронежской и Тамбовской губерниях, где прошлогодний рейд Мамонтова обильно обеспечил крестьян большевистским оружием. Еще чуть-чуть — и здесь полыхнет знаменитая «антоновщина».

Врангель мог стать центром «кристаллизации» и организации антибольшевистской стихии. Корнилову в свое время не удалось поднять Кубань, а Деникин вторым походом уже смог это сделать. Точно так же у Деникина не получилось поднять всю Россию. Для Врангеля, прорвись он на север, это становилось вполне реальным. Даже слухи о нем и его победах, часто преувеличенные, вселяли в людей надежды и способствовали сопротивлению. О таких настроениях говорит и агитплакат Маяковского: «Крестьянин! Если ждешь Врангеля, как с неба ангела, вспомни сказку про барскую ласку...»

Поражение на западе грозило лишь территориальными потерями и отказом от попытки «мировой революции». А Русская армия — самому существованию советской власти. Уже 2.08 Ленин писал Сталину: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей...»

Поэтому, как только Врангель начал Кубанскую операцию, большевики немедленно назначили новое наступление в Таврии. С одной стороны, отвлечение части белых сил в десанты вселяло надежду наконец-то разгромить Русскую армию. С другой — предполагалось, что угроза с севера помешает переброске на Кубань дополнительных частей или вообще сорвет планы Врангеля, заставив перебросить десантные войска назад, для обороны Крыма. Оправиться от прошлой попытки наступления участвовавшие в нем красные дивизии еще не успели, но они получали постоянную подпитку, ограничиваемую только пропускной способностью железных дорог. Подтянулись все части громадной дивизии Блюхера, еще несколько свежих бригад. План оставался прежним — сходящимися ударами отрезать белых от Крыма, окружить и уничтожить. Все так же с северо-востока 13-я и 2-я Конная армии нацеливались на Мелитополь. Но с запада, с Каховского плацдарма, наносилось два удара: 51-й дивизией Блюхера, тоже на Мелитополь, а 15-я, 52-я и Латышская дивизии должны были, как и раньше, наступать на Перекоп.

20.08 операция началась. На 2-й корпус ген. Витковского двинулись полки Блюхера и приданной ему кавалерийской группы

Саблина. Белые отчаянно сопротивлялись. Несколько раз останавливали большевиков контратаками, заставляли переходить к обороне. Обнаружив разрывы в боевых порядках, бросали конницу. Только в одном бою 450-й полк красных потерял свыше 500 чел., а 453-й пришлось свести в батальон. Южнее, под прикрытием прорыва Блюхера, продвигались три «перекопские» дивизии, за три дня углубившись на 40–50 км и оказавшись на полпути от перешейков. 21.08 началось наступление и с востока. На центральном участке, в районе Токмака, снова разгорелись жестокие бои. Но прорваться здесь красным на этот раз не дали. 1-й корпус Кутепова с Донской бригадой Морозова дрались насмерть. Часто сражения принимали встречный характер. Населенные пункты переходили из рук в руки.

Крымский журналист А. А. Валентинов писал в своих воспоминаниях: «...То, что сделали наши войска, даже не героизм, а нечто сверхъестественное. Дроздовцы достигли апогея. Под ураганным огнем ходили в атаки в строю. Каждый снаряд вырывал из цепи по 10–15 человек. И каждый раз после разрыва следовала команда “рас, два, в ногу!”. 1-й корпус выпустил за неделю 40 тысяч снарядов. Большевики раз в пять больше. Наштаглав телеграфировал главному о необходимости издания приказа об относительной экономии снарядов. Врангель изорвал депешу. Потери у нас очень тяжелые, но красные разбиты всюду...»

Отразив все атаки на восточном фланге, Врангель тут же снял отсюда Корниловскую и 6-ю пехотную дивизии, а затем и кавкорпус Барбовича, бросив их для ликвидации прорыва. К этому времени части Блюхера и Саблина подошли уже на 30 км к Мелитополью, а авангарды Латышской дивизии, продвинувшись еще на 15–20 км, были в районе Чаплинки, совсем рядом с Перекопом. Контратаками врага остановили. Сбив кавалерийскую группу Саблина, прикрывавшую прорыв с северной стороны, белая конница, около 1,5 тыс. чел., ударила во фланг и тыл передовых частей Блюхера, заставив их пятиться. Блюхер попытался зацепиться у большого села Нижние Серогозы, организовав там линию обороны. Здесь закипело напряженное сражение. Красные запросили о помощи.

Воспользовавшись тем, что переброска частей против Блюхера ослабила силы белых на северо-восточном участке, советское командование снова атаковало его, бросив в бой 2-ю Конармию Городовикова. Ей было приказано прорвать фронт, разбить резервы Врангеля и двигаться на юго-запад. С тыла ударить по белогвардейцам, сражающимся у Нижних Серогоз, и соединиться с 51-й дивизией для совместного наступления на Мелитополь. 29.08 Городовиков проломил оборону врангелевцев и пошел по белым тылам. К утру следующего дня разрыв между его армией и частями Блюхера сократился до 60 км. Конармию обнаружила авиация ген. Ткачева, стала клевать ее пулеметным огнем и бомбардировками. Наперерез

Городовикову Врангель кинул группу ген. Калинина из 2-й Донской кавдивизии, отдельной бригады, донского пехотного полка и марковцев. Бой продолжался целый день. Решительной победы не достигла ни та ни другая сторона, но на юг Конармию не пропустили. Городовиков был вынужден отвести ее на северо-запад, в село Новоекатериновку, чтобы привести в порядок потрепанные части. Выставив против него заслон, Врангель тут же направил все силы против Блюхера и 31.08 возобновил решительное наступление.

Не дождавшись обещанного подхода 2-й Конной и неся потери, Блюхер стал отступать на каховский плацдарм. Получив ряд контрударов, покатила назад и «перекопская» группа. Хотя она состояла аж из трех дивизий, но все они были серьезно ослаблены в предыдущих операциях. Знаменитая Латышская по боеспособности стала далеко не та, сопротивление которой Кутепову пришлось ломать в июне. 2-я Конармия смогла выступить из Новоекатериновки только 1.09, когда Блюхера на прежнем месте уже не было. Обнаружив это, она двинулась вслед за фронтом, уходящим на запад, и стала атаковать белых с тыла, стараясь пробиться к своим. Атакой с фронта ей помогла кавгруппа Саблина. Корниловцев и части Барбовича удалось потеснить, Конармия соединилась с другими отступающими войсками, прорвавшись в Каховский укрепрайон. Собственно, «армией» она осталась чисто номинально. После двух августовских прорывов от первоначального 9-тысячного состава в строю остались 1,5 тыс. чел.

2-я Конная выводилась в резерв на переформирование. Городовикова отстранили и вернули в подчинение Будённому, а командующим назначили Миронова¹⁴.

Кроме остатков 2-й Конной, на Каховском плацдарме собрались 4 стрелковые дивизии и одна кавбригада. Несмотря на такое скопище войск, Врангель решил атаковать Каховку. Расчет был и на отступательную инерцию советских частей, и на их моральный надлом. Добейся белые успеха — и та же масса войск, прижатая к Днепру, была бы уничтожена. На штурм пошла группа ген. Витковского — около 7 тыс. штыков и сабель, несколько броневигов и танков. Танки по тем временам были редким оружием, они носили персональные имена, как корабли — «Суворов», «Кутузов», «Скобелев», «Ермак», «За Русь Святую»... Но под защитой сильных укреплений большевики быстро пришли в себя. Крепостная артиллерия встретила части Витковского убийственным огнем. Многорядные проволочные заграждения приходилось рвать голыми руками, рубить штыками — ножниц для их резки не было (Франция обещала, но так и не прислала их), а снаряды приходилось экономить, особенно к английским орудиям (поставки-то прекратились).

Попытки прорвать оборону танками тоже ни к чему не привели — красные научились бить их, выкатывая легкие орудия на прямую

наводку. Атаки продолжались 5 дней. И даже ночей. Чтобы избежать огромных потерь от артиллерии, штурм был предпринят в ночь с 4 на 5 сентября. Два танка были подбиты, два, прорвав первую линию заграждений, застряли во второй и были захвачены контра-такой красных. А от огня и ночь не спасала — артиллерия большевиков била по квадратам, вся местность оказалась пристрелянной с математической точностью. К 6.09 атаки выдохлись. Витковский, потеряв 3 тыс. чел. и 6 танков, перешел к обороне.

В надеждах создания единого антибольшевистского фронта Врангель искал контактов с различными повстанческими группировками. С кубанцами, о которых уже говорилось. С сочинскими «зелеными» (категорически отказавшимися от любых связей с «генералами»). К нему приезжали представители повстанцев с Правобережной Украины, он помогал им снабжением. Искал Врангель и контактов с Махно, засылая к нему своих агентов. Но тут вопрос был сложным. Активных действий против белых, как при Деникине, батька не предпринимал. Наоборот, тревожил красные тылы, отвлекая на себя десятки тысяч бойцов ВОХРа. Однако и на союз не шел. Не отвечал ни «да» ни «нет». Отделялся общими фразами, вроде заявлений в махновской прессе (была и такая — газеты «Набат», «Известия военно-революционного совета армии имени батьки Махно») и прокламациях: «Пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну как с контрреволюционерами. Врангель тоже против чрезвычайек и обещал нас не трогать».

Основывающиеся на таких высказываниях сообщения крымской печати о союзе с Махно были не более чем газетными утками или неумелым пропагандистским приемом. Одно время в Севастополе даже начали публиковать и демонстрировать на Нахимовском бульваре «сводки штаба Махно», взятые из сплетен и нелепых слухов. Лишь по требованию штаба главнокомандующего эти глупости прекратились. Врангель для батьки тоже был «контрреволюционером». Красные и белые сражались за власть — каждый за свою. Махно не нужна была никакая власть. Да он и по своей натуре в принципе не мог быть ничьим союзником, предпочитая «гулять сам по себе».

Некоторые махновские атаманы местного масштаба — Володин, Яценко, Чалый, Хмара и др. — действительно согласились на сотрудничество. В Ставку несколько раз группами приезжали «камышовые батьки», обретавшиеся по приднепровским и приазовским плавням, увешанные оружием и столь сомнительного вида, что офицеры штаба конфиденциально советовались — можно подавать им руку или нет. Велись переговоры, где обе стороны чувствовали себя не в своей тарелке. Ни те ни другие полностью не доверяли друг другу. Реальное значение «союзов» бывало ничтожным — разве что задания о порче мостов и железнодорожных путей, которые иногда выполнялись, иногда нет — уж как там сложится, какое у «батек»

будет настроение. О каких-то совместных действиях и думать не приходилось. А кое-кого из таких «союзников» потом пришлось повесить (например, Володина) за грабежи или работу на красных. Сам же Махно, имевший к тому времени армию в 10–12 тыс. чел., когда фронт приблизился к Гуляй-Полю, отошел на запад, обосновался в Старобельске. В своих действиях он руководствовался только тем, что было выгодно ему. В данный момент — щипать тылы большевиков, а не Врангеля. К тому же ему льстило внимание к его особе белых военачальников. Он любил говаривать: «Мы еще подурачим генералов, а с ними коммунистов».

Союз с Махно, даже формальный, позволил бы белым решить целый ряд проблем. Скажем, с крымскими «зелеными». Их накопилось в горах довольно много, они безобразничали на дорогах, грабили едущих без охраны, совершали налеты на населенные пункты. Все это вынуждало держать гарнизоны в тыловых городах, снаряжать против них экспедиции из юнкеров и тыловых частей. Для борьбы с ними был создан и специальный штаб во главе с ген. Носовичем. А с «идейной» точки зрения зеленые считали себя махновцами, признавали над собой верховный авторитет батьки, который никогда не был связан с этими «подчиненными». «Махновцами» поголовно считали себя и крестьяне Таврии. И раз батька держался по отношению к Врангелю нейтралитета, то и они заняли ту же позицию. Вражды не проявляли, но и поддержки не оказывали. В Русскую армию крестьянство не шло, мобилизации срывались. Главнокомандующий вынужден был издать «драконовский» приказ о круговой поруке — вместо уклоняющегося от призыва брать в армию другого мужчину из семьи от 17 до 43 лет, а если годных в семье не найдется, село должно было дать на службу кого-то из жителей. У дезертиров было приказано конфисковывать имущество. Врангель писал: «Я вынужден был всей силой власти эти требования поддерживать. Беспощадная борьба требовала общих жертв».

В Совдепии такие «драконовские» меры были бы, конечно, невозможными — какая там круговая порука, если мобилизации носили поголовный характер? Да и борьба с дезертирством отнюдь не ограничивалась конфискацией... Ну а в Таврии результаты оказались мизерными. Могли ли подобные приказы подействовать на «махновское» крестьянство, привыкшее рассредоточивать и прятать у себя целые полки? В селах с десятитысячным населением в нужный момент просто не находилось ни одного годного призывника.

Неудачи с крестьянством во многом объясняются и крайней слабостью белой пропаганды. Например, «Закон о земле», который Врангель считал краеугольным камнем своей политики и на который возлагал надежды, так и остался неизвестным подавляющему большинству населения. Правительственный отдел печати удосужился разослать его по... 500 экз. на корпус. Причем кому-то из тыловых

«умников» пришла мысль сделать оттиски... платными, по 100 руб. за экземпляр. По крымским меркам, где заработки и цены исчислялись тысячами, сумма была ничтожной. Но в Таврии цены на продукты были ниже в 30–50 раз, и рубль, соответственно, котировался намного выше. И 100 руб. тут кое-что значили. Это после бесплатной красной литературы, навязываемой насильно! Да и из пришедших в армию экземпляров многое разбирали «на память» штабные, писаря, делопроизводители. То же повторялось с газетами. Они стоили от 50 до 500 руб., издавались небольшими тиражами, даже в тыловом Мелитополе их покупал далеко не каждый. А на фронт высылались вообще в ничтожном количестве, в день по 200–500 газет на корпус. Учитывая, что добрая половина оседала в штабах и канцеляриях, на передовой новости узнавали чаще из харьковских и московских газет, которыми щедро заваливали своих солдат коммунисты. Что уж говорить об агитации среди гражданского населения!

Армия задыхалась от недостатка пополнений. Значительную часть населения Крыма составляли татары, отдающие предпочтение «зеленым», а также беженцы, негодные к службе. Что-то удавалось наскрести мобилизацией в городах. Восполняли потери за счет пленных, за счет расформирования тыловых учреждений и штабов. Врангель писал: «Все эти источники пополнений по своему качеству не могли возместить наших потерь, особенно в офицерском составе».

В сущности, уже с июля вопрос пополнений начал диктовать стратегию войны — Кубанскую и последующие операции.

В сентябре положение врангелевцев стало меняться к лучшему. Забрел просвет во внешней обстановке — Польша, разгромив атакующих ее большевиков, перешла в наступление. Врангель направил в Париж миссию во главе с министром иностранных дел Струве и ген. Юзефовичем, предлагая план — «чтобы поляки, задержавшись на старых германских укрепленных линиях, в дальнейшем свои операции распространили бы в направлении Киева».

Со своей стороны, Врангель намеревался форсировать Днепр, соединиться с ними и, разгромив красных, двинуться в глубь России. При крымском правительстве был создан «Украинский национальный комитет» во главе с Маркотуном — приехавшим из Франции лидером «умеренных» националистов, стоявших за автономию Украины в рамках единой России. Врангеля такая позиция удовлетворяла, и он предполагал использовать комитет «как противовес украинским самостийникам». Из Забайкалья о своем признании верховного руководства Врангеля сообщил атаман Семенов. Из Варшавы о том же телеграфировал Савинков. При его участии было достигнуто соглашение с Пилсудским о формировании в Польше 3-й Русской армии численностью до 80 тыс. чел.

Удалось добиться кое-каких улучшений и с пополнениями. Прибыли 10 тыс. казаков, присоединившихся к кубанскому де-

санту. Из Польши завершилась перевозка 15-тысячного корпуса Бредова. Объявлялась дополнительная мобилизация 1900–1901 гг. и ранее освобожденных от службы лиц 1885–1899 гг. рождения. Из Грузии прибыл 2-тысячный отряд Фостикова. С помощью заграничных миссий и эмигрантских организаций в Крым поодиночке и группами направлялись белые офицеры, застрявшие в Прибалтике, Румынии, Германии, Польше, даже из Китая. Конечно, эти контингенты нуждались в переформировании, в хорошей подготовке. Среди кубанцев значительную часть составляла «камышовая публика» — бывшие дезертиры и «зеленые», давно забывшие о дисциплине. Состояние бредовцев тоже оставляло желать лучшего после украинского отступления и польских лагерей. Повстанцы Фостикова прибыли крайне измученные скитаниями по горам, оборванные и изголодавшиеся. Всех прибывших нужно было вооружить...

Но все же Врангель смог провести реорганизацию своих вооруженных сил. 1-й армейский и Донской корпуса составили 1-ю армию, во главе которой был поставлен ген. Кутепов. 2-й корпус Витковского и 3-й армейский, заново сформированный из пехоты Казановича, кубанцев и бредовцев, сводились во 2-ю армию Драценко. Отдельный корпус Барбовича объединял всю регулярную кавалерию, и в отдельную группу выделялась конница Бабиева из Кубанской дивизии и Терско-Астраханской бригады. Если в конце августа боевой состав белых войск исчислялся в 33 800 чел. (включая даже конвой главнокомандующего), то к середине сентября его удалось довести до 44 тыс. при 193 орудиях, 998 пулеметах, 34 самолетах, 26 броневиках, 9 танках, 19 бронепоездах. Пополнялись армии экстренным порядком — всеми, кого можно было с ходу поставить в строй. Поэтому в тылу, на формировании, оставались и другие части, которым еще нужно было дожидаться подвоза от союзников обмундирования, получить оружие. Но дожидаться их готовности у Врангеля уже попросту не хватало времени.

Потому что красные тоже проводили реорганизации, намереваясь уничтожить его. Директива Политбюро ЦК РКП(б) предписывала «взять Крым до наступления зимы». На базе Правобережной (Каховской) группы войск создавалась новая, 6-я армия во главе с Авксентьевским. Армии, действующие против Врангеля, 6-я, 13-я и 2-я Конная, выделялись в самостоятельный Южный фронт. Его командующим стал Фрунзе, членами Военного совета — Гусев и Бела Кун (возглавлявший в 19-м венгерское советское правительство, арестованный и... высланный «зверями-контрреволюционерами» в Россию). Назначение Белы Куна было не случайным — учитывалась насыщенность фронта «интернационалистами». Тут сражались и направлялись дополнительно многочисленные латыши,

венгры, поляки, эстонцы, немцы и др. Русская мобилизованная «серьмяга» погибала на западе, а против Врангеля требовались солдаты ненадежнее.

После августовско-сентябрьских боев силы Южного фронта составляли около 60 тыс. чел., 451 орудие, 2137 пулеметов, 12 бронепоездов, 3 танка (взятых у поляков), 14 броневинов, 42 самолета. Но это соотношение грозило вскоре измениться. Из Беломорского, Заволжского округов, Сибири и Кавказа дополнительно перебрасывались 5 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, 4 бригады, артиллерийские, броневые, автотанковые части — в общей сложности более 80 тыс. чел. Всячески форсировались переговоры с Польшей. Большевики шли на любые уступки ради заключения немедленного мира. Ленин писал Каменеву: «Надо сказать (насчет границ) — дадим больше (линия будет восточнее)».

То есть коммунистические лидеры соглашались отдать территорию восточнее «линии Керзона», предлагавшейся в качестве границы в мае и июне, лишь бы развязать руки против Врангеля. С запада на Южный фронт передавалась 1-я Конная армия — еще 15 тыс. сабель.

По Совдепии шли сплошные мобилизации. Учитывая «классовый характер» врангелевского фронта, Оргбюро ЦК РКП(б) постановило мобилизовать на него 5 тыс. коммунистов, из них 10 % ответработников. По профсоюзной разверстке были направлены 9 тыс., по комсомольской — 5 тыс. Если Врангель знал не обо всех этих фактах, то не мог не понимать, что над ним собирается гроза. И спасти его, а одновременно и вызвать перелом в боевых действиях, может только немедленная победа — до подхода новых крупных сил неприятеля. Поэтому он отдал приказ о переходе в наступление. Впрочем, когда мы говорим об «операциях», наступлениях, контрнаступлениях, необходимо помнить, что никакого резкого разделения между ними не было. Бои гремели непрерывно, почти без передышек. Для наглядности достаточно привести даты: июльское наступление белых на север началось 25.07. Ответное наступление красных — 7.08. Оно было отбито 15.08. Кубанская операция началась 14.08, а новое наступление красных в Таврии — 20.08. Неудачный штурм Каховки завершился 6.09, последние части десанта эвакуировались в Крым 7.09. Следующее наступление Врангеля началось 14.09... И все реорганизации, о которых говорилось выше, должны были производиться на ходу, безо всякого вывода войск с передовой. Возможность получить относительную передышку, хоть немного привести себя в порядок части получали только тогда, когда главные бои перемещались на другой участок. А лучшие дивизии 1-го корпуса — Корниловская, Марковская, Дроздовская, перебрасываемые на самые угрожаемые направления, не имели передышек практически вовсе.

99. Последнее наступление Врангеля

План сентябрьской наступательной операции Русской армии предусматривал нанесение главного удара на запад, за Днепр. Перспективной задачей являлось соединение с поляками, гнавшими красных по Украине. Ближайшей задачей — форсировать Днепр у Никополя, обойти с тыла Каховский плацдарм, уничтожить находившуюся на нем 6-ю красную армию и прорваться на Правобережную Украину, охваченную повстанческой войной. Там Русская армия имела все шансы найти поддержку и значительные пополнения. Но прежде чем наступать на запад, нужно было обезопасить себя с севера и востока, где нависала 13-я красная армия, разгромить ее или отогнать подальше от крымских перешейков. Кроме того, наступление 1-й армии Кутепова в этом направлении должно было оттянуть сюда силы большевиков и дать некоторое время для 2-й армии Драценко и конницы Бабиева, на их подготовку и доукомплектование после кубанских десантов.

14.09 первый удар нанес Донской корпус ген. Абрамова. В трехдневных боях серьезно погромив 40-ю и 42-ю красные дивизии, отбросил их на восток и северо-восток. Были заняты Бердянск и станция Пологи. Развивая наступление, казаки погнали разбитых большевиков дальше, в Донбасс. Вслед за тем двинулся вперед 1-й армейский корпус. Нанес поражение правому флангу 13-й армии, взял г. Орехов, а 19.09 выбил красных из Александровска (Запорожье), продолжая теснить на север.

26.09 командование Южным фронтом принял Фрунзе. Белое наступление было в самом разгаре. Донцы заняли крупную станцию Волноваха, взяли Мариуполь, подступили к Юзовке (Донецку) и Иловайской. Войска 1-го корпуса тоже продвинулись на 60 км и взяли Синельниково, угрожая Екатеринославу. Москва слала панические телеграммы, требуя решительных действий и ликвидации угрозы.

«Настроение войск, — докладывал новый командующий, — было несколько надломлено».

Проанализировав обстановку, Фрунзе понял, что на востоке Врангелю, собственно, делать нечего. Ну продвинулся он еще немного, займи еще какую-то территорию, а дальше что? Никакого стратегического выигрыша это не сулило. А на север далеко зарываться для белых было бы рискованно, имея в тылу Каховский плацдарм. Логика подсказывала, что главный удар еще впереди. Поэтому Фрунзе не стал трогать своих основных группировок. В Донбассе он решил ограничиться подкреплениями, перебрасываемыми с Северного Кавказа и Кубани. Первой подошла 9-я стрелковая дивизия Куйбышева. Ее командиру Фрунзе подчинил остатки отступающих частей и приказал «стоять насмерть». Потери она понесла жуткие, 77-му ее полку пришлось выполнить приказ буквально — он был уничтожен

полностью. Но ввод в бой свежих сил остановил продвижение казаков. Точно так же на северном участке Фрунзе оставил находившиеся там 46-ю, 3-ю стрелковые дивизии, объединив их под командованием Федько и усилив одной кавбригадой.

Новый комфронт сумел понять еще одну вещь — что красные могли бы уничтожить Врангеля гораздо раньше, если бы... не принимали одну за другой трех попыток его уничтожения. Если бы обеспечили подавляющий перевес, а не спешили с очередной операцией, едва подтянутся несколько свежих соединений. И белогвардейцы перемалывали эти соединения поочередно, одно за другим. Поэтому Фрунзе отказался от идеи общего наступления на Врангеля до подхода всех движущихся к нему и ожидаемых резервов, главным образом 1-й Конармии. Фрунзе уже обладал достаточным авторитетом, славой победителя, к тому же был ленинским любимцем как единственный толковый полководец «из партии». Он мог позволить себе гораздо большую свободу, чем другие военачальники. При тормозив четвертую операцию по ликвидации Врангеля, он стал усиливать оборону. Непрерывно совершенствовались укрепления Каховки, благо рабочая сила — «буржуйский» Херсон — была под рукой. Копались противотанковые рвы. Для борьбы с бронетехникой строились специальные позиции с орудиями, предназначенными быть прямой наводкой по танкам и броневикам. Между линиями обороны оборудовался ряд ротных опорных пунктов — чтобы в случае прорывов противника брать его в клещи. Дополнительно Фрунзе перебросил на плацдарм ударно-огневую бригаду, имевшую в составе огнеметные роты и 160 пулеметов.

А в районе Никополя для прикрытия переправ и правого берега была размещена 2-я Конная армия Миронова. Фактически сформированная заново, она достигла 17 тыс. сабель. Сделать это Миронову было не столь трудно. Он обладал репутацией «народного вожака», и едва принял командование, как к нему начали перебегать из других соединений — особенно донцы. Знали, что он своих «не выдаст» и сумеет вывести из трудных положений. Возвращалась в строй даже часть дезертиров, прятавшихся по лесам после разгрома Жлобы и Городовикова.

С Махно Фрунзе вступил в переговоры. Ему, опутывавшему своими дипломатическими играми басмаческих лидеров и эмира Бухарского, вести их было гораздо легче, чем твердолобым ортодоксам. В Харьков приехала делегация от батьки во главе с Поповым и Куриленко. 6.10 было заключено соглашение о совместных действиях против Врангеля. Батьке пообещали золотые горы, самые заманчивые условия. Его Повстанческая армия сохраняла самостоятельность, подчиняясь красному командованию лишь в оперативном отношении. Задачей Махно определялись действия в тылах Врангеля, а районом этих действий — Гуляй-Поле, батькина вотчина. Обещали помочь снабжением и оружием. Разрешили свободно

вести мобилизацию в свою армию в Таврии и Екатеринославщине. В прочный союз Махно вряд ли верил, но временная смена курса была ему выгодна. Давала передышку в столкновениях с красными, сулила перспективы усиления. Скопление войск на фронте сковывало свободу его маневра, а теперь можно было снова «погулять». Весьма заманчиво выглядела и возможность вместе с красными пограбить Крым. Ну а для Фрунзе, тоже таившего камень за пазухой, главным было на время ближайших операций обезопасить свой тыл. Его устроили бы в принципе даже не активные действия Махно, а его нейтралитет.

В Донбассе тем временем собралась сильная советская группировка, подошли с Кубани несколько новых дивизий, и Фрунзе начал на восточном фланге частное наступление против донцов, выдохшихся в атаках и израсходовавших боезапас артиллерии. Левый фланг казаков подвергся удару 5-й кавдивизии, центр — группы из 9-й стрелковой, 7-й и 9-й кавалерийских дивизий, а правый фланг — Морской дивизии. 3.10 прорывом кавалерии и угрозой охвата красные заставили Донской корпус отступить от Юзовки, на следующий день отбили Мариуполь. Поддержать казаков другими частями Врангель не мог. Время работало уже против него. Чтобы не быть раздавленным и обрести шанс на победу, он должен был до подхода новых крупных сил большевиков провести Заднепровскую операцию. На востоке оставалось ограничиваться обороной. Более того, Донскому корпусу приходилось растянуть эту оборону к северу, поскольку соседний, 1-й корпус, передавался на направление главного удара

Скрытно, по ночам, он сосредоточивался в районе Александровска, а напротив Никополя — 3-й корпус. Перебрасывалась сюда конница Бабиева и Барбовича. 2-й корпус Витковского оставался на левом берегу для атаки в лоб Каховского укрепрайона после его обхода с тыла. Вязались плоты, в плавнях готовились лодки. Утром 8.10 передовые батальоны Марковской дивизии начали переправу севернее Александровска у острова Хортица, отбросили от берега красные части Федько и захватили плацдарм. Следом по наведенным мостам двинулась Корниловская дивизия, 3-я советская дивизия, прикрывавшая этот участок, была разгромлена, потеряв более половины личного состава. Один полк корниловцы целиком взяли в плен, много пленных захватили и марковцы. Остатки красных войск отступали, а на плацдарм пошла конница Бабиева. Прикрывшись с севера частями марковцев, а на левом берегу оставив дроздовцев для защиты переправ с востока, главные силы группировки двинулись на юго-запад, к Никополью. Навстречу им выступила 2-я Конармия, пытаясь контратаковать. Но в ночь на 9.10 южнее началась переправа другой группировки — 3-го армейского корпуса и конницы Барбовича — 2,5 тыс. штыков и 3,5 тыс. сабель. Они ударили

во фланг и тыл армии Миронова, и она стала пятиться, огрызаясь контратаками и налетами. Обе группировки белых соединились и 11.9 заняли Никополь, развивая удар на запад и углубившись на 10–25 км от Днепра.

На восточном участке фронта все еще продолжалось красное наступление. 8.10 они заняли Бердянск. Прикрывавший оборону миноносец «Беспокойный» сел на мель. В Ставке махнули на него рукой, считая погибшим. Но миноносцу удалось сняться вопреки всем ожиданиям и, отбившись от нападающих на него неприятельских кораблей, уйти к своим. 10.10 советская 5-я кавдивизия взяла Гуляй-Поле. Примерно на этом рубеже красных сумели остановить.

Заднепровские части белогвардейцев 12.10 взяли крупную станцию Апостолово. Фрунзе указывал Миронову, что отход с линии Днепра и с Каховского плацдарма недопустим ни в коем случае, «2-я Конармия должна выполнить свою задачу хотя бы ценой самопожертвования». Для поддержки Миронова с севера на правый берег была целиком переброшена екатеринославская группа Федько. Тут, возможно, белые допустили тактический промах, не воспользовавшись этим, — в течение нескольких дней перед Дроздовской дивизией, остававшейся на Левобережье, вообще не было противника. Даже Екатеринослав стоял беззащитный. Но потом прикрытие появилось — и пошла мощная подпитка группы Федько. Начали прибывать первые полки перебрасываемой из Сибири 30-й дивизии — такой же огромной, как 51-я дивизия Блюхера. Когда ее передовые части выгружались в Павлограде, последние еще только подъезжали к Москве, а тылы и артиллерия были еще за Волгой.

С Каховского плацдарма на помощь Миронову снимались Латышская, 15-я и 52-я дивизии. Врангелевская воздушная разведка засекла это перемещение, но истолковали его совершенно неверно. Решили, что красные отступают с плацдарма, чтобы избежать окружения. Поэтому Витковскому было приказано на следующий день начать лобовой штурм.

А три красные дивизии с марша вступили в бой. Одновременно Миронов собрал в кулак свои отходящие соединения, ввел последние резервы и перешел в контрнаступление. Сюда была брошена вся большевистская авиация. 13.10 завязалось ожесточенное встречное сражение. Большевики стали одолевать. Миронов смог разорвать боевые порядки конницы Барбовича, выйти к Днепру. И... вот тут-то сказались спешка в комплектовании частей, ненадежность и недостаточная подготовка вливаемых пополнений — из «зеленых», пленных, мобилизованных. Белые войска не выдержали. Сломались. И начали отступать. 6-я и 7-я пехотные дивизии 3-го корпуса (да какие там дивизии, по тысяче человек в каждой, меньше красного полка!) были смяты и побежали. Осколок снаряда сразил генерала Бабиева, одного из самих лихих командиров — его прозвали «бе-

шенный осетин» или «черт в красных штанах». До того он 14 раз был ранен, но всегда возвращался в строй, а подчиненным говорил: «Всякий патриот и герой, идущий в атаку на безбожную сволочь, уже должен считать себя погибшим за веру и великую Россию...»

Выбыл из строя раненым и другой начальник кубанцев — ген. Науменко¹⁵. Всякая связь между частями и командованием потерялась. Отступающая конница давила пехоту. С севера ударила группа Федько, тесня марковцев, Врангель писал: «Смятение овладело полками. Части на рысях стали отходить к переправам. Ободрившийся противник перешел в наступление. Смятение в рядах расстроенной конницы увеличилось. Восстановить порядок было невозможно. Все устремились к переправам. На узких лесных дорогах, в плавнях смешались отходившие конные и пехотные части... Потрясенный всем виденным, растерявшийся ген. Драценко отдал приказ об отходе всей армии на левый берег Днепра».

В Ставке получили донесение об этом утром 14.10. А Витковский уже пошел на штурм Каховки. 6700 чел. при 10 танках и 14 броневиках. И сюда же была перенацелена авиация, дав тем самым возможность советским самолетам беспрепятственно долбить сбившиеся у переправ заднепровские войска. Бой за Каховку длился весь день. Атака следовала за атакой. Белогвардейцы смогли прорвать и захватить внешний обвод обороны — красные отошли на внутренний. Но части Витковского этим успехом были обескровлены. Они потеряли 9 танков — 4 уничтоженных артогнем, 2 застрявших в заграждениях, 3 подбитых и вытасненных в тыл. Правда, Фрунзе вынужден был отозвать на плацдарм ранее снятые отсюда дивизии, но это уже не имело решающего значения.

Заднепровскую группировку теперь громили ударами и с фронта, и с флангов. Корниловцы и марковцы еще пытались сопротивляться, но их давили кавалерийскими атаками. Бросаемые навстречу красной коннице кубанцы уже не принимали боя, а в последний момент поворачивали назад, преследуемые лавой неприятеля. Паника усиливалась слухами, что это уже подошла с польского фронта конармия Будённого. На переправах, на дорожках к ним через плавни, возникла давка. Бросали обозы, орудия, пулеметы. Пехота оттесняла конницу, конница — пехоту, стараясь прорваться на левый берег. Части Миронова подталкивали их атаками и рубили бегущих.

Чтобы не дать Врангелю снять с фронта части Донского корпуса и бросить их на выручку заднепровской группы или под Каховку, Фрунзе направил в рейд 5-ю кавдивизию. Скрытно миновав линию фронта, она прошла по тылам от Бердянска до Токмака, уничтожила подразделение в селе Астраханка, взорвала 8 вагонов снарядов в Токмаке и разграбила поезд атамана Богаевского. Сам он, несколько адъютантов и ординарцев успели вскочить в автомобиль. Красные погнались за ними. Машина сломалась, налетев на столб.

Богаевскому и адъютанту удалось в темноте ускользнуть и, добежав до ближайшей деревни, занятой донцами, поднять тревогу. Большевики ушли также стремительно, как появились. 15.10 Витковский снова попытался штурмовать Каховку, но безуспешно. Более того, повывбив его корпус, Блюхер перешел в контратаку и вернул свои утраченные позиции. В этот день завершилась и «заднепровская трагедия». Остатки правобережной группировки закончили обратную переправу и развели понтонный мост.

100. Остров Крым

12.10.20, когда Врангель из последних сил старался пробиться на запад, Польша заключила с Совдепией мир. Большевики в дополнение к «линии Керзона», предлагавшейся им ранее, спешили теперь отдать и Западную Белоруссию, и Западную Украину, только бы поскорее развязаться с поляками и сосредоточить усилия против главного врага — Врангеля. Блицкриг на западе кончился для них провалом, но возможности для продолжения войны были. Списочная численность Красной армии осенью достигла 5 миллионов человек¹⁶. Конечно, из этого количества какая-то часть пребывала в дезертирах, сотни тысяч лежали по тифозным баракам или находились в отпусках после болезни, войска были раскиданы по всей стране из-за восстаний, да и процент никуда не годных частей, которые никак нельзя было послать на фронт, у красных был выше, чем у Врангеля. И тем не менее военные потенциалы Совдепии и Пилсудского вряд ли были сопоставимы. Не будь белогвардейцев, война на европейском театре грозила принять затяжной характер.

Поэтому поляки тоже спешили заключить мир. Они побеждали, но повидали красных под Варшавой и торопились выйти из игры победителями. К тому же они понимали, чем вызваны такие громадные уступки большевиков, и спешили принять их, пока Русская армия еще держалась в Таврии. Ну а белогвардейцев очередной раз предали. Пилсудскому до них дела не было, тем более что никакого союза с ними он так и не заключал. Врангелевскую миссию во главе с ген. Махровым до последнего момента держали в Варшаве и водили за нос — просто для того, чтобы этими переговорами подстегнуть уступчивость большевиков... Мир немедленно был ратифицирован Сеймом. И тотчас же с Юго-Западного фронта на Южный двинулась 1-я Конармия.

После тяжелого поражения за Днестром на совещании командного состава в Ставке Врангеля было решено перейти к обороне, оставаясь в Северной Таврии. Против высказался только начальник штаба ген. Шатилов, опасаясь окружения и уничтожения армии. О причинах решения Врангель писал: «Отход в Крым, за перешейки, не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозмож-

ности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству...»

Можно назвать и другие причины. В отличие от гражданской публики, успокаиваемой газетами, и «тыловых стратегов», белое командование знало, что Крым отнюдь не является неприступной крепостью и при колоссальном неравенстве сил оборонять его будет сложно. В Таврии по крайней мере сохранялась какая-то свобода маневра, уже трижды позволившая отразить красные попытки окружения.

Но с четвертой попыткой Фрунзе не спешил, и впервые с июля белые получили двухнедельную передышку. Врангель смог «подлатать дыры» в поредевших войсках, влив в них пополнения из оставшихся запасных частей, хотя эти пополнения были уж совершенно «сырыми», — все мало-мальски годное ушло на фронт к началу наступления. Он провел еще одну реорганизацию. В 1-ю армию Кутепова вошли 1-й и 2-й корпуса, она оборонялась по Днепру и на северном участке фронта. Восточное крыло прикрывала 2-я армия из 3-го и Донского корпусов. Драценко был снят, и ее командующим стал ген. Абрамов. В резерве находились кавкорпус Барбовича и группа ген. Канцорова (остатки группы Бабиева). Общая численность белых составляла 38 тыс. чел. при 249 орудиях, 1 тыс. пулеметов, 32 самолетах.

Несмотря на опасения и подстегивания Москвы, Фрунзе это усиление не пугало. Он за то же время получил гораздо больше. Завершалась переброска 30-й дивизии, крупной и полнокровной (в полках по 2 тыс. штыков). На базе ее и других свежих соединений создавалась новая, 4-я армия во главе с Лазаревичем, из 9-й и 5-й кавдивизий — новый, 3-й кавкорпус Каширина. Огромные пополнения за счет непрерывно прибывающих маршевых батальонов получали и «старые» армии. В 6-ю, которую вместо Авксентьевского возглавил Корк, влились около 30 тыс. чел., в 13-ю — 34 тыс. Несколько тысяч кавалеристов получила 2-я Конармия. Подходила и 1-я, буденновская. Всего к концу октября на Южном фронте было собрано 144 тыс. чел., 527 орудий, 2664 пулемета, 17 бронепоездов, 45 самолетов.

Суть плана уничтожения Врангеля оставалась той же, что и раньше. Но соотношение сил было другим, и ударов наносилось больше. Две группировки действовали с Каховского плацдарма, 15-я и 51-я дивизии нацеливались на Перекоп, 1-я Конармия с латышами — на восток, где должны были соединиться со 2-й Конармией и приданными ей четырьмя дивизиями, наступающими от Никополя, окружить таким образом и уничтожить армию Кутепова, а затем вместе идти на Аскания-Нову, на юг, отрезая все дороги в Крым. 4-я армия с севера, а 13-я с востока наносили сходящиеся удары на Мелитополь, чтобы окружить и уничтожить Белую армию

Абрамова. Фрунзе говорил: «Мы должны задушить Врангеля в наших объятиях».

В эти дни Русская армия обрела последнего союзника — Петлюру, обратившегося через своего посланника в Румынии с предложением военно-политического соглашения. При заключении мира польские союзники предпочли и об украинцах «забыть», удовлетворив собственные аппетиты. Армия Петлюры, около 40 тыс. чел., все еще удерживала фронт в Подолии. Чтобы помочь Врангелю, Петлюра предлагал, со своей стороны, начать наступление от Могилева-Подольского на Винницу. Врангель дал согласие на союз — примерно на тех же условиях, что с казачьими областями: полная независимость Украины во внутреннем управлении при единстве главного командования «над всеми вооруженными силами и обеспечении общегосударственных интересов». Но союз уже остался чисто теоретическим...

Бои начались 26.10 частным наступлением дивизий, приданных конармии Миронова. Форсировав Днепр возле Никополя, они отбросили поредевших в последнем сражении корниловцев и заняли здесь еще два плацдарма. Тем самым дополнительно отвлекались силы с основных направлений. А 28.10 пять армий Южного фронта перешли в общее наступление. Группа Блюхера, наступая с Каховского плацдарма, смяла 2-й корпус Витковского и двинулась к Перекопу, частично отбросив белых к северу, частично гоня перед собой. В прорыв немедленно ринулась 1-я Конармия. С Никопольского плацдарма обрушилась всеми силами группировка Миронова, заставив противника отступать. 4-й и 13-й армиям достичь решающего перелома не удалось. Хотя они и продвигались, пользуясь огромным численным перевесом, но расчленить боевые порядки 2-й Белой армии так и не смогли. Части Абрамова пятились, цепляясь за каждый рубеж и нанося чувствительные контрудары.

29.08 группа Блюхера вышла к Перекопу и с ходу попыталась захватить Турецкий вал. Однако небольшим гарнизоном, занимавшим позиции и пополнившимся за счет отступивших сюда частей 2-го корпуса, штурм был отбит. А 1-я Конармия, оставив позади поддерживающих ее латышей, глубоко ушла в белые тылы и собиралась повернуть на север, чтобы, согласно плану, соединиться с Мироновым для окружения ядра белых сил. Но тут Будённый получил новый приказ Фрунзе. Основываясь на сообщениях Миронова, что противник разгромлен и бежит, командующий фронтом предписал 1-й Конной идти не на север, а на юг, захватить район Генического и Сальково, т. е. перекрыть две последние переправы в Крым — через Чонгар и Арабатскую стрелку. У Будённого были несколько другие сведения о состоянии белых — что они, хоть и терпят поражение, но далеко не сломлены. И он достаточно самоуверенно принял худшее из решений — свои 6-ю и 11-ю кавдивизии по старому плану

направил на север, а сам с 4-й, 14-й и штабом пошел занимать переправы. К исходу дня 4-я кавдивизия, не встречая сопротивления, взяла Сальково и станцию Новоалексеевка, перерезав железную дорогу в Крым, 14-я — село Рождественское, а штаб с резервной кавбригадой — село Отрада.

Окружение белых войск завершилось. Ставка Врангеля, расположенная в это время в Джанкое, оказалась отрезанной от фронта. Главнокомандующий успел передать приказ Кутепову объединить силы 1-й и 2-й армий и прорываться в Крым. Дальше связь прервалась. Встала жуткая перспектива: вот-вот большевики могли очутиться на полуострове. Защищать перешейки было некому. Врангель затребовал все остатки резервов — юнкеров, а также находившуюся в Феодосии двухтысячную бригаду Фостикова, состоящую из повстанцев. Фостиков отвечал, что его люди совершенно не готовы, не вооружены, не получили еще обуви и обмундирования, оставшись в рванье после походов по горам. Ставка, учитывая положение, подтвердила приказ — присылать людей, не медля ни минуты, хоть группами по сто человек, хоть безоружных...

Но Фрунзе, изменяя задачу Будённому, ошибался. Войска Кутепова вовсе не были разгромлены. Откатившись назад под первым натиском красных, они быстро пришли в себя и стали оказывать жестокое сопротивление. Более того, при поддержке кавалерии Барбовича 1-й корпус контратаковал, нанес серьезное поражение 16-й кавалерийской и 1-й стрелковой дивизиям врага, отшвырнув их назад и прижав к Днепру. Застопорилось и продвижение 4-й армии. Восемь часов держались белые у станции Васильевка, отражая при поддержке бронепоездов массированные атаки 30-й дивизии. А 270-й полк этой дивизии у села Елизаветовки был контратакован казаками — из 2 тыс. чел. в живых осталось 700. Зато восточнее, в полосе 13-й армии, наметился перелом. Две дивизии атаковали с разных сторон и захватили Токмак, прорвав фронт и открыв путь на Мелитополь.

30.10 Блюхер, подтянув артиллерию, танки и броневики, штурмовал Перекоп. Несмотря на малочисленность защитников, успеха он не добился. Красные прорвали три ряда проволочных заграждений, в отдельных местах взобрались на гребень Турецкого вала, однако их отбрасывали огнем, а подразделения, проникшие на вал, уничтожили в рукопашной. Блюхер отказался от дальнейших попыток и перешел к обороне. В 1-й Конармии 11-я кавдивизия Морозова, продвигаясь навстречу частям Миронова, столкнулась с авангардом корпуса Барбовича, начавшего отход, и была им атакована. Красные смешались, стали отступать. На помощь подошла 6-я кавдивизия Городовикова. Вместе навалились на белый авангард, грозя его уничтожить. Но тут подошли и главные силы Барбовича. В рубке, длившейся несколько часов, красным нанесли серьезные потери и отбросили в степь... В полосе 2-й Конармии Миронову пришлось туго.

Донской корпус, прикрывая отход основных сил, нанес ему фланговый удар, разгромил 2-ю Ставропольскую кавдивизию, вырубил ее штаб. Лишь разворот на донцов других соединений армии заставил казаков отойти на прежние позиции. Жестокие бои с переменным успехом продолжались и в полосе 4-й армии, а в полосе 13-й в прорыв вошли кавкорпус Каширина, группа Куйбышева из двух дивизий. Красные ворвались в Мелитополь.

31.10 Фрунзе приказал Будённому собрать все силы в кулак и держаться против отступающих белогвардейцев, а Миронову — увеличить темп движения на Сальково, на помощь Будённому. Но связь между дивизиями 1-й Конармии была уже утеряна. Побитые накануне 6-я и 11-я, дождавшись оставших латышей, заняли село Агайман — и снова оказались на пути отступающих белых. Сюда выходили части 1-го кутеповского корпуса, контратаковали и нанесли им еще одно жестокое поражение, 11-я кавдивизия потеряла в бою весь командный состав. Прикрывшись от атак латышей корниловцами, Кутепов двинул войска к переправам, на Отраду и Рождественское. В Отраде белые ударили по штабу Будённого, резервной кавбригаде, разгромили и выбили из села. Ворошилова едва спасли из рук казаков. Будённый требовал выслать ему на помощь 4-ю кавдивизию Тимошенко, но ее атаквали донцы и части 3-го корпуса. В результате боя, длившегося весь день, разбили и взяли Новоалексеевку. А 14-ю кавдивизию Пархоменко ночью атаковал в Рождественском Барбович. Потеряв управление полками, Пархоменко отдал приказ выбираться из боя, кто как может. Непобедимая 1-я Конная была разгромлена по частям...

Здесь соединились остатки 1-й и 2-й белых армий. Подтянувшаяся Латышская дивизия пробовала атаковать Рождественское — Кутепов ответил контратакой, окружив и перебив ее авангардные батальоны. Прикрыв фланг Марковской дивизией, он начал отвод войск в Крым. В Геническе белые нашли невзорванный мост, это весьма облегчило переправу. Части 4-й и 13-й армий находились еще в 40–50 км от перешейков, буденновцы больше не совались, а 2-я Конармия подкатилась вечером 1.11. Атаковала Рождественское, но взять не смогла. Миронов собрал все силы для нового штурма, однако ночью сюда стали подходить части 6-й белой дивизии и Донского корпуса, выбирающиеся из окружения со стороны Мелитополя, нанесли 2-й Конной новый фланговый удар. Лишь 2.11 Миронов начал общие атаки, стараясь сломить белые арьергарды, прикрывающие отход. Броневики, осаживающие пулеметами красную конницу, погибли, увязнув в грязи, и арьергардные части Кутепова стали откатываться, продолжая серьезное сопротивление. К вечеру Миронов снова занял Новоалексеевку, перехватив железную дорогу и перекресток между Чонгарской и Генической переправами. Подходили и части 4-й армии, прихватив по пути потрепанные буденновские дивизии.

Положение белых ухудшилось в связи с резким изменением погоды. Грянуло сильное похолодание, морозы доходили до 10–15 градусов. А армия воевала по-летнему, в чем была. Транспорт «Рион» доставил из-за границы полушубки и зимнее обмундирование, лишь когда войска были уже в Крыму. Озаботиться сбором теплых вещей для фронта тыловая общественность как-то не догадалась. Солдаты и офицеры вынуждены были греться у костров, надевали мешки, набитые для тепла соломой. Голыми руками держали стывшие винтовки. Несколько вагонов раненых пришли в Джанкой с уже замерзшими людьми...

3.11 красные двинулись на Чонгарский полуостров. Ряд атак удалось отбить, но они начали обход по песчаной косе. Марковцы, оборонявшиеся здесь, стали отступать к мостам, отбиваясь на промежуточных рубежах. К вечеру они завершили отход в Крым. Пропустив на свою сторону последний бронепоезд, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост и подожгли гужевой. По нему сквозь огонь попробовали ворваться конники Городовикова и откатились, встреченные пулями. Взорвали за собой и Генический мост. Части 13-й армии и 11-й кавдивизии хотели наладить переправу и попасть в Крым через Арабатскую стрелку, однако сюда подошли белые корабли и накрыли их артогнем, выпустив до 3 тыс. снарядов. Удар был столь мощным, что красные не только свернули наступление, но и вообще бежали, бросив Геническ. Фрунзе писал: «Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым. Отрезанные от перешейков врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа и хотя бы с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров».

Тем не менее поражение Русской армии было жестоким. Красные захватили свыше 100 орудий, много пулеметов, припасов. Число пленных они исчисляли «до 20 тысяч». Трудно сказать, насколько верна эта цифра. Но в надломившихся белых войсках в эти дни произошло некое расслоение. Те, кто хотел пробиться в Крым, в большинстве своем пробились. А те, чей моральный дух оказался подорван, наспех поставленные в строй новобранцы, случайные люди, измученные боями, поражениями и холодом, конечно, дезертировали и подняли руки...

101. Перекоп

Легенды о Крыме как неприступной твердыне сильно преувеличены. Всего на полуостров вели три дороги. Перекопский перешеек шириной около 10 км. Восточнее, за Сивашом, где к Крыму близко подходит Чонгарский полуостров, от него в одном месте была проложена узкая, до 300 м, дамба с железнодорожной линией и мостом, а в другом, где пролив сужается до 1 км, находился гужевой мост.

Третья дорога, еще восточнее — через Генический мост на Арабатскую стрелку. Хотя еще в мае было принято решение об укреплении перешейков, к моменту отхода армии в Крым сделано было очень мало. Не хватало ни сил, ни средств, ни материалов. Действовать по методу большевиков, выгнавших на строительство Каховки массу херсонского населения, белое командование не додумалось. Работа шла «по мере возможностей» — увы, весьма ограниченных. Долговременные огневые позиции, бетонированные казематы, тяжелые морские орудия имелись. Но не на Перекопском, а на Чонгарском направлении, у последней на крымском берегу станции Таганаш — тут проходила железная дорога, и проще было подвезти стройматериалы.

А на Перекопе первую линию обороны представлял Турецкий вал — земляной, насыпанный еще пленными запорожцами. За ним в 20–25 км находились несколько линий Юшуньских укреплений между озерами и заливами. Все позиции представляли собой обычные окопы, т. е. канавы, оплывшие и полуобвалившиеся от осенних дождей.

Из-за недостатка в Крыму лесоматериалов их не смогли даже обшить досками. Блиндажи имелись только на Турецком валу. Отнюдь не долговременные, а деревоземляные — «в три наката». Окопы прикрыли линиями колючей проволоки — всего на Перекопе, на всех полосах обороны ее насчитывалось 17 рядов. Большинство окопов не были обеспечены проволочными заграждениями с тыла, на случай обходов — опять из-за дефицита материалов, обычных кольев. Естественно, такие укрепления не спасали от огня тяжелых, а чаще и легких орудий. Для артиллерии долговременных укреплений на Перекопе не имелось вовсе — только полевые. И пустовавшие. Установка орудий планировалась в последний момент, т. к. свободной крупнокалиберной артиллерии в Крыму не было, иностранцы этот дорогой «товар» не поставляли. Но при отходе тяжелые орудия достались красным, и подавляющее большинство артиллерии составляли полевые трехдюймовки. Железнодорожная ветка, запроектированная от Юшуни к Перекопу для подвоза снарядов, была построена лишь на четверть. Фугасы, минные поля, электрический ток в заграждениях являлись лишь плодами фантазии. Они родились из выдумок крымских журналистов, продолжавших даже на краю гибели соревноваться в шапкозакидательстве. Из их газет данные перекочевали в красные разведсводки и растекались слухами среди большевиков. Ну а потом их, понятное дело, увековечили в победных реляциях и мемуарах, придавая дополнительный вес одержанным победам. А то соотношение сил выглядело уж больно «несолидным».

Турецкий вал обороняла Дроздовская дивизия, насчитывавшая лишь 3260 штыков. Полтора красных полка... Рядом, на выступе Литовского полуострова, стояла бригада Фостикова, 2 тыс. плохо вооруженных повстанцев. Корниловцы и марковцы, на долю которых

выпали самые тяжелые бои в Заднепровской операции и при отступлении, занимали Юшуньские позиции и прикрывали южный берег Сиваша. На Чонгарском направлении и Арабатской стрелке оборону занимали Донской корпус и кубанцы Канцерова. Вместе около 3 тыс. чел. В резерве оставались обескровленные 13-я, 34-я дивизии и кавкорпус Барбовича. В тылу дополнительно формировалась еще одна, 15-я дивизия. В общей сложности у Врангеля было 22–23 тыс. чел., 120 орудий, 750 пулеметов.

Южный фронт против них имел в своем составе 198 тыс. чел., 550 орудий, 3059 пулеметов, 57 бронемашин и танков, 84 самолета. Кроме того, в подчинение Фрунзе Махно прислал «армию» во главе с Каретником — около 5,5 тыс. чел. На главных направлениях (по советским данным) у белых приходилось на километр фронта 125–130 штыков и сабель, 5–7 орудий, 15–20 пулеметов. У красных: 1,5–2 тыс. штыков и сабель, 10–12 орудий, 60–80 пулеметов. Первоначально Фрунзе планировал главный удар 4-й и 1-й Конной армиями в глубокий обход, через Арабатскую стрелку, что позволяло выйти аж к Феодосии. Но со стороны Азовского моря этот путь прикрывался огнем белых кораблей, а красная флотилия застряла в Таганроге из-за раннего ледостава. И основное направление штурма сместилось на Перекоп, куда было стянуто огромное количество артиллерии, в том числе только что захваченной у белых.

Прорыв предполагался силами 6-й армии комбинированным ударом — в лоб и десантом через Сиваш на Литовский полуостров. На Чонгарском направлении планировался вспомогательный удар. Отступившие белые части едва успели обосноваться на позициях. Давать им какую-то передышку, чтобы прийти в себя и дополнительно укрепиться, Фрунзе не собирался. Да и из Москвы его торопили. 3.11 завершилась операция в Таврии, а через 2–3 дня красные уже изготовились идти на приступ. Ждали только западного ветра, который в этих местах отгонял воду Сиваша на 7–10 км, обнажая дно. Вскоре дождались.

7.11 красные произвели демонстрацию на Чонгарском направлении, один из полков 30-й дивизии переправился по наплавному мосту в Крым, ворвался в первую линию траншей, но был выбит и едва спасся. Стало ясно, что красные намерены штурмовать полуостров. В этот день Крым был объявлен на осадном положении. Руководство обороной возлагалось на Кутепова, под командованием которого объединялись все войска.

В ночь на 8.11 началась основная операция Фрунзе. В лоб Турецкий вал штурмовала группа Блюхера из четырех бригад 51-й дивизии, Латышской дивизии, артгруппы из 55 орудий, 14 танков и бронемашин. Через Сиваш направлялся десант по трем бродам. Справа две бригады 51-й дивизии, в центре 52-я дивизия, слева — 15-я. Общая численность переправляющихся достигала 20 тыс. чел.,

вдесятеро больше, чем повстанцев Фостикова. Страницы советской литературы и кадры фильмов о бойцах, отважно уходящих в воду, не имеют ничего общего с действительностью. Дно было совершенно открыто. А погода стояла холодная, в ночь операции мороз дошел до минус двенадцати. Грязь подмерзла. Авангарды шли вообще посуху. Следующим, когда корка была разбита ногами и колесами орудий, приходилось идти в грязи, доходившей до щиколоток, на отдельных участках по лужам. Лишь 52-й дивизии досталось тяжелее — около километра двигаться по ледяной жиже, доходившей почти до пояса. Обнаружить десант белые никак не могли — опустился густой туман. В этом тумане 15-я дивизия слегка заблудилась — вышла на крымский берег даже дальше, чем предполагала. Ей пришлось возвращаться, чтобы оказаться у основания Литовского полуострова, в тылу бригады Фостикова.

52-я вышла на кубанцев в лоб. В 2 часа ночи ее авангарды выбили окоченевших казаков из первой линии окопов. На подмогу Фостикову из ближайшей деревушки выступили несколько батальонов дроздовцев, отбросили красных назад. Но во фланг дроздовцам ударила подоспевшая 15-я дивизия. В рукопашной белогвардейцы опрокинули и прижали к берегу один из ее полков. Однако силы красных прибывали, подходили все новые и новые части, растянувшиеся на бродах. Белые стали отступать. Часть кубанцев сдалась. Правда, продвинулись дальше Литовского полуострова большевикам так и не удалось. Их остановили артогнем и контратаками. Из тыла подошли на помощь части 34-й, Корниловской дивизий, несколько броневигов. Третья колонна красных, две бригады 51-й дивизии, запоздала с переправой и приблизилась к Крыму только в 8 часов утра. Выйти на берег ей не дали. Контратакой 2-го Дроздовского полка она была отброшена и залегла в грязи на дне Сиваша. Дождавшись «хвостов» колонны, полки большевиков штыковой атакой оттеснили белых и зацепились за берег, однако через час их снова скинули в болото.

Лобовой штурм Турецкого вала начался с задержкой из-за тумана, мешавшего артиллерии. Потом последовала артподготовка, длившаяся 4 часа. Атакующих Блюхер распределил пятью «волнами». Первая расчищает проходы в проволочных заграждениях. Вторая, 10 батальонов, подкатывается к валу. Третья, слившись со второй, прорывает оборону и продвигается дальше. Четвертая, 4 свежих полка, «чистильщики», добивают уцелевших в траншеях белогвардейцев. Пятая, кавбригада, включается в преследование бегущих. Но дроздовцы, даже ослабленные уходом на Литовский полуостров значительной части дивизии, не дрогнули. Отбивались отчаянно. Первая волна была истреблена, даже не достигнув заграждений. Вторая, с бронеотрядом, сумела преодолеть их первую линию, потеряв несколько машин, при этом была частично перебита, частич-

но прижата к земле. В третью атаку среди колонн пехоты Блюхер пустил артиллерийские батареи, выдвинутые на прямую наводку. Но это лишь дало возможность отойти назад остаткам предыдущих отрядов. Фрунзе подтвердил приказ: готовиться к новому штурму. Попытку наступления 9-й советской дивизии по Арабатской стрелке снова отразили огнем врангелевские корабли.

Одолеть белых большевики все еще не могли. Ударные дивизии, захватившие было весь Литовский полуостров, под непрерывными контратаками пятились к его краю, панически просили о помощи. Фрунзе направил туда конницу — 7-ю кавдивизию и махновцев. В это же время он получил известие, что ветер переменился и вода возвращается в Сиваш. Тогда он приказал выгнать в Сиваш население окрестных сел и возводить дамбу. Удерживать воду плетнями, снятыми в тех же селах. Сколько можно, до конца. Сколько уж там людей перетонуло и осталось инвалидами — кто знает? Появление на Литовском полуострове кавдивизии и махновцев Каретника привело к перелому. Вслед им Фрунзе послал еще и 16-ю кавдивизию. Белые войска стали отступать к Юшуню, и большевики хлынули в Крым. Около полуночи Блюхер начал четвертый штурм Турецкого вала. Ночные действия оказались более удачными. К половине четвертого утра красные овладели гребнем вала. Защитники, дроздовцы и корниловцы, уже были отрезаны от своих. Их атаковали и с тыла, что способствовало успеху фронтальной атаки. Штыками они положили дорогу и вырвались из окружения.

К вечеру 9.11 красные по всему фронту вышли к Юшуньским позициям, а 51-я дивизия с ходу прорвала первую линию обороны. Дальше ее остановили. Большевики подтянули значительное количество артиллерии — 20 легких и 15 тяжелых батарей. 150 орудий, буквально перепахивали землю, сметая провололочные заграждения. На следующий день возобновились атаки. 51-я дивизия, наступающая на западном фланге, захватила вторую линию траншей. Но судьба сражения за Крым оставалась все еще неопределенной. Ее соседям, 15-й и 52-й дивизиям, продвинуться так и не удавалось. Фрунзе писал: «Во всех позициях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявлял и выдающуюся энергию, и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то о них приходится дать, безусловно, положительный отзыв».

Белогвардейцы держались. Врангель попытался еще организовать контрудар, способный изменить ситуацию. Подтянул свой последний резерв — корпус Барбовича, которому предписывалось вместе с дроздовцами занять и удержать последнюю, третью линию обороны и отбросить красных. С Чонгарского направления началась переброска под Юшунь Донского корпуса.

Узнав от авиаразведки об этом перемещении, Фрунзе направил на Перекоп 2-ю Конармию, а 4-й приказал нанести удар с Чонгар-

ского полуострова. В ночь на 11.11 30-я дивизия, воспользовавшись густым туманом, начала форсировать пролив по наплавным мосткам у Тюп-Джанкоя. На рассвете ее части ринулись на штурм. Завязался бой за первую и вторую линии окопов. Одновременно со стороны железнодорожной дамбы при поддержке бронепоездов пошла атака по основе взорванного моста. Здесь красные были разбиты и выброшены обратно, но бой отвлек часть сил от Тюп-Джанкойского участка, где по мосткам сумели переправиться две бригады. Получив сообщение о наступлении у Чонгара, угрожающем выходом в тыл всей группировке, сосредоточенной под Юшунью, Врангель повернул назад донцов, отправил к станции Таганаш все исправные бронепоезда. Контрудар теперь возлагался на одного Барбовича. 11.11 началось последнее сражение.

Латышская дивизия, сменив в первом эшелоне уставшие части 51-й, прорвала третью, последнюю полосу Юшуньских позиций на западном фланге, а на восточном, сильно отставшем, наоборот, конница Барбовича атаковала и разметала 7-ю и 16-ю кавдивизии красных. Затем ударила по 15-й и 52-й стрелковым дивизиям. Красные побежали. Белая кавалерия гнала их, выходя в тылы выдвинувшихся вперед Латышской и 51-й. А с моря эти дивизии стала поливать огнем врангелевская флотилия, вошедшая в Каркинитский залив. Однако тем же утром в Крым переправились основные силы 2-й Конармии, около 7 тыс. сабель, и ускоренно двигались против Барбовича. Во встречном бою Миронов применил хитрость. Учтя наступательный порыв белой кавалерии, укрыл за своим конным строем 250 пулеметов на тачанках. Перед столкновением красные разомкнулись, и на летящих вперед белогвардейцев в упор хлынул ливень огня. Головные части были скошены, остальные смешались, налетая на падающих и поворачивающих. Кони спотыкались о трупы... А дальше на Барбовича пошла лава Конармии. Вслед за ней повернула отступавшая пехота. К концу дня последняя полоса Юшуньских укреплений пала.

Продолжались бои и под Чонгаром. Возвращенные донцы атаковали и почти вырубали авангардный полк большевиков, а за ним уже шли другие переправившиеся части. Казаки пятились, огрызаясь отчаянными контрударами. Хутора по нескольку раз переходили из рук в руки. Под вечер красные саперы завершили наводку свайного моста, и по нему сплошным потоком пошли войска — кавкорпус Каширина, артиллерия. Несколько часов дрался, сдерживая большевиков, бронепоезд «Офицер» — и погиб, окруженный и подорванный. В 3 часа ночи 12.11 красные ворвались на станцию Таганаш. Советские армии двумя потоками стали выливаться на просторы Крыма. Штурм завершился. Южный фронт потерял в этой операции около (а может, и более) 10 тыс. чел. Опять закидали головами.

Гражданское население Крыма до последнего дня пребывало в состоянии блаженного неведения. Чтобы не создавать паники

и почвы для активизации большевистского подполья, различных беспорядков, Врангель сразу после отхода в Крым 4.11.20 выступил на пресс-конференции, где рассказал о ситуации в общих чертах верно, но не упоминая об отрицательных последствиях отступления. Указал, что план красных окружить Русскую армию сорвался, что при выходе из кольца белые сами нанесли серьезное поражение 1-й Конармии. Что отход совершен организованно и с незначительными потерями (в первые дни, не обобщив еще сведений из войск и основываясь только на перечне вышедших частей, сохранении ими боеспособности, так считало и само белое командование). Врангель говорил: «Противник, несомненно, в ближайшие дни попытается атаковать наши позиции: он встретит должный отпор. Все состоит в том, чтобы выиграть время. Внутреннее разложение, необходимость оттянуть часть своих сил для борьбы с антибольшевистскими русскими силами, наступающими с запада (имелась в виду 3-я Русская армия Перемыкина–Савинкова, которая так окончательно и не организовалась) и для подавления очагов восстаний ослабит противника, находящегося против нас, и наша задача лишь в том, чтобы выдержать лишения, неизбежно связанные с пребыванием в осажденной крепости, и не упустить надлежащего момента для перехода в наступление... Запад, которому большевизм грозит в той же мере, как и нам, должен учесть ту роль, которую наша армия сыграла в победе Польши... Однако иллюзий себе делать нельзя. Нам временно предстоят тяжкие лишения, население должно делить эти лишения наравне с армией. Малодушью и ропоту нет места. Тем, кто не чувствует себя в силах делить с армией испытания, предоставляется свободный выезд из Крыма. Те, кто, укрываясь за спиной армии, не пожелает этим правом воспользоваться и будут мешать армии в выполнении ее долга, рассчитывать на снисхождение не должны — они будут беспощадно переправляться через фронт. Всех же честных сынов родины я призываю к дружной работе и ни одной минуты не сомневаюсь в конечном торжестве нашего дела».

Такого же рода сообщение, только более краткое и сухое, сделал штаб главнокомандующего. Несмотря на то, что заявление Врангеля не давало повода для излишнего оптимизма, в газетах оно стало толчком к очередной шапкозакладательской кампании. Говорилось, что Крым может «спокойно смотреть на свое будущее». Что можно даже радоваться попыткам красных штурмовать «перекопские твердыни», — «чем больше при этом погибнет лучших красноармейских полков, тем скорее деморализация охватит остальную часть Красной армии. Для защиты перекопских позиций наша армия даже слишком велика...».

Масла подлил ген. Слащёв, возвращенный из «отпуска», как специалист по защите перешейков. 7.11, накануне штурма, он заявил в интервью газете «Время»: «Население полуострова может быть

вполне спокойно. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы на защиту Крыма...»

Понятное дело, Слащев припомнил о собственных подвигах, когда удерживал красных с 4-тысячным корпусом. Но тогда его штурмовали силами 1–3 дивизий, а не пяти армий...

И Крым жил спокойно. Работали кинотеатры, в Таврическом дворянском собрании ставили пьесы сбежавшиеся сюда из Совдепии лучшие актеры. Внепартийное совещание общественных деятелей во главе с кн. Долгоруковым еще надеялось на активизацию поддержки Запада и приняло обращение к странам Антанты, где говорилось: «Ключ спасения от большевизма не в Париже, не в Лондоне, не в Нью-Йорке, а в Крыму».

Лишь самые дальновидные «пессимисты» уже начали подыскивать места на пароходах и покупать валюту — крымский рубль, хоть и сильно обесценился, еще конвертировался по курсу 500–600 тыс. за 1 фунт стерлингов. Катастрофа 8–9.11 грянула для многих, как гром среди ясного неба. Надо отметить, что даже белое командование, знавшее о положении лучше, чем обыватели, не предполагало, какое колоссальное преимущество в живой силе и артиллерии обеспечил себе враг. Ставка Врангеля оценивала войска Южного фронта в 100 тыс., из них 25 тыс. конницы, а у Фрунзе было 200 тыс., из них 40 тыс. конницы. С возможностью поражения считались, но не ожидали, что оно может совершиться так быстро...

10.11 после совещания Врангеля с Кутеповым было решено начать эвакуацию тылов. Для этого были реквизированы все коммерческие суда, находящиеся в портах, независимо от национальности. Стали грузиться лазареты, некоторые центральные учреждения. Через французского посланника графа де Мартеля белое правительство обратилось к Франции с просьбой о предоставлении убежища. Для предотвращения беспорядков, организуемых местными коммунистами, из работников штабов создавались команды, вооруженные винтовками и гранатами. Вскоре, еще без общего объявления, началась выдача документов на эвакуацию и среди населения.

11-го и в ночь на 12-е рухнули последние рубежи обороны. Эвакуационный план к этому времени был уже разработан, распределены корабли между частями, выделены транспорты для семей военнослужащих, тыловых и правительственных учреждений. Суда, оставшиеся после разнорядки, предназначались для гражданского населения. Чтобы обеспечить быструю и планомерную погрузку, она должна была производиться в разных портах. 1-му и 2-му корпусам было приказано отходить на Севастополь и Евпаторию, корпусу Барбовича — в Ялту, кубанцам — в Феодосию, донцам — в Керчь. Войска двинулись по этим направлениям сразу после сражения, командование сумело организовать отход достаточно четко. Более того, удалось оторваться от врага на 1–2 перехода. Измотанные

и повыбитые в сражении красные части не смогли начать немедленное преследование. Фрунзе направил Врангелю радиogramму с предложением капитуляции на почетных условиях. Сдавшимся гарантировалась жизнь и неприкосновенность, а тем, «кто не пожелает остаться в России, — свободный выезд за рубеж при условии отказа под честное слово от дальнейшей борьбы».

Трудно сказать, по какой причине Фрунзе поступил столь не по-большевистски. Возможно, заужавал противника, играл в рыцарское благородство. Возможно, из чисто практических соображений, считая, что прижатые к морю врангелевцы будут сражаться с отчаянием обреченных и положат еще массу красных. А может быть, Фрунзе мыслил уже категориями профессионального полководца и хотел сохранить для своих войск цвет Русской армии. Листовками с этим обращением, как и с аналогичными обращениями РВС армий, засыпали с самолетов отступающих. Сыпали и прокламации с обращением к офицерам ген. Брусилова (его подпись, как потом выяснилось, получили обманом, сообщив ему, что в Крыму произошел переворот, Врангеля свергли и идут распри. И если, мол, авторитетом Брусилова возглавить офицерское движение, то можно без кровопролития перетащить врангелевцев в Красную армию).

О какой-то настоящей амнистии коммунистическое руководство и не думало. 12.11 Фрунзе строго одернул Ленин: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, т. е. невыходу из Крыма ни одного судна. Если же не примет, нельзя ни в коем случае повторять и расправиться беспощадно».

Лишь через день красные смогли наладить преследование, 6-я армия двинулась на Евпаторию, 2-я, а за ней и 1-я Конные — на Симферополь и Севастополь, 4-я и 3-й кавкорпус — на Феодосию и Керчь. Правительство Франции после некоторых колебаний согласилось предоставить убежище Русской армии и беженцам. Правда, потребовало «под залог» расходов передать корабли флота. Выбора не было — нужно было спасать людей. 12.11 вышел приказ Врангеля об общей эвакуации. Он писал: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждая всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разумом одолеть и пережить русское лихолетье».

Всем желающим остаться в России предоставлялась полная свобода. Другой приказ Врангеля гласил: «Воспринимаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу».

Еще метался со своими проектами Слащёв. Предлагал Кутепову дать новое сражение, выгнав на позиции «всю тыловую сволочь», «всех под ружье и в поле».

Кутепов ответил: «Положить армию в поле — дело нехитрое» — и отказался. Слащёв обратился и к Врангелю, предлагая высадить всю армию на Кавказе, «пан или пропал». Главнокомандующий передал ему: «Желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас за неимением средств невыполнимы».

Взбешенный Слащёв на своей яхте «Жанна» уехал в Константинополь... Люди потянулись в порты — с узлами, чемоданами, подводами, груженными скарбом. Приказ об эвакуации стал неожиданностью не только для штатского населения. Атаманское училище, вызванное из Симферополя, чтобы обеспечить порядок при погрузке, считало, что идет для умирения какого-то выступления местных большевиков или «зеленых», и прибыло налегке, оставив все имущество.

Стоит отметить, что картина эвакуации Крыма впоследствии тоже была искажена. В отличие от Одессы и Новороссийска, она проводилась относительно спокойно и организованно. Порядок поддерживался воинскими командами, которым было приказано любыми мерами пресекать всякие проявления бесчинств (например, Высоцкий в фильме «Служили два товарища», силой прокладываящий себе путь и лезущий с конем, был бы расстрелян тут же, возле трапа). Порядку способствовало и значительное количество плавсредств — ведь уходил весь русский флот, все суда, способные пересечь море, своим ходом или на буксире. Часть людей грузились на иностранные корабли — французские, английские, американские. Разумеется, вывезти всех беженцев, скопившихся в Крыму, возможности не было.

Но многие из них сами решили остаться. Крым все-таки был последним клочком русской земли. Покинуть его — значило бы стать изгнанником, скитаться по неизвестной и пугающей чужбине. У некоторых решение остаться определилось неожиданностью эвакуации. Может, подумав, они и захотели бы уехать, но вот так, сразу... Стали рождаться самоутрачивающие слухи и теории. Что, раз большевики победили в войне, им придется налаживать международные связи, и в Крыму им «придется держать экзамен перед Западом». Поэтому от каких-либо репрессий они, конечно же, воздержатся. Успокаивали и местные рабочие, уже сжившиеся с приезжими «буржуями» и неплохо относившиеся к этим несчастным людям. Посчитав себя хозяевами положения, они уверяли, что возьмут беженцев под свое покровительство и бесчинствовать в своих городах большевикам не позволят. Остаться решили и многие военные, доверившись листовкам Брусилова, Фрунзе и др., а также слухам об офицерах, воевавших на польском фронте. Вера в правоту Белого дела после полного поражения, естественно, у кого-то зашаталась. А прощение вроде открывало выход из тупика...

14.11 погрузка на суда закончилась. В опустевшем штабе состоялась простенькая церемония вручения знамен корниловцам, марковцам и дроздовцам. Три года лучшие белые части сражались без знамен, а получили их, по горькой иронии, в последний день пребывания на родине... Получив доклад, что части уже на кораблях и грузятся заставы прикрытия, Врангель перешел на крейсер «Генерал Корнилов». Все военное имущество, все склады были переданы под охрану профсоюзов (тем не менее чернь их все-таки погромила сразу после ухода белых). «Белая Россия» превратилась в огромный город на воде. Долгое время корабли стояли на рейде, проверяя, не забыли ли кого на берегу. Посылали шлюпки на розыски отставших. На борту крейсера Врангель составил письмо на имя де Мартеля с просьбой ходатайствовать перед правительством Франции о переброске Русской армии на западный противобольшевистский фронт «для продолжения борьбы против поработителей России, врагов мировой цивилизации и культуры» (еще не верилось, что никакого западного фронта больше не будет). В случае невозможности такого решения Врангель просил возбудить вопрос о предоставлении Белой армии и флота в распоряжение международной комиссии по охране проливов.

К вечеру «государство на воде» снялось с якорей и пошло в Константинополь. «Генерал Корнилов» 15.11 направился в Ялту, где Врангель съехал на берег и проверил завершение эвакуации. Потом крейсер пошел в Феодосию. Там тоннажа не хватило, и часть кубанцев направилась в Керчь. Врангель на «Корнилове» пошел и туда. Выяснилось, что в Керчи погрузка завершилась успешно, на корабли посажены и донцы, и кубанцы. Утром 17.11 «Генерал Корнилов» последний раз прошел вдоль побережья Крыма и взял курс на Босфор...

Армия эвакуировалась полностью. Конечно, кроме тех, кто отстал в пути, застрял в глубине полуострова или решил сдаться. Большевики рапортовали потом о 30 тыс. пленных. Миронов докладывал о 10 тысячах вырубленных «отступающих» — цифра сомнительная, поскольку главные силы белых он так и не настиг. Так что неизвестно, кого рубила по дорогам 2-я Конармия. Несовпадение ранее приведенных данных о численности Русской армии с количеством спасшихся, плененных, репрессированных пусть вас не смущает. При описании фронтовых действий назывались цифры боевого состава. Но, во-первых, в результате потерь он постоянно менялся — сколько солдат и офицеров находились в лазаретах, в отпусках по ранению! Во-вторых, нужно учесть тыловые штабы, службы, учреждения, охрану складов, гарнизоны городов, флот, маршевые и запасные части, училища. В ранних советских источниках фигурирует вообще фантастическая численность армии Врангеля — 130–150 тыс. чел. В более поздних и «трезвых» общая численность определяется в 80 тыс. Хотя, повторяю, даже по советским данным, на фронте находились не более 30–40 тыс.

Наконец, в число «белогвардейцев» попали и те, кто к армии не принадлежал. Офицеры, уволенные по тем или иным причинам. Или уклоняющиеся от службы — при Врангеле таковых было меньше, чем в деникинский период, но все же в тыловых городах хватало. Попала в «пленные» и часть дезертиров, вышедших с гор навстречу красным. Одним «зеленым» повезло больше — присоединились к махновцам, другие очутились в разряде «красных партизан», а третьи угодили в плен. Так был расстрелян знаменитый капитан Орлов, явившийся с отрядом в Симферополь. 16.11 Красная армия вступила в Керчь. Южный фронт был ликвидирован.

А корабли с Русской армией и беженцами шли к турецким берегам. Всего, по данным Врангеля, на 126 русских судах (т. е. не считая иностранных) эвакуировалось 145 693 человека (кроме экипажей). Из них более 100 тыс. гражданских беженцев. Разумеется, всех желающих взять так и не смогли. Грузили, сколько влезет, впритирку. Условия были, конечно, жуткие. Чтобы посадить людей, сбрасывали в море снаряды и другое имущество. Забивали пассажирами проходы и палубы. Даже на «Генерале Корнилове» отдельная каюта была выделена только Врангелю — она же комната для совещаний. Штабные генералы ужимались по десятку в крохотных каютках. На миноносце «Грозный» (штатная численность экипажа 75 чел.) ехали 1015. И полз он еле-еле, потратив на дорогу четверо суток. Плохо было и на других судах. Людям не хватало воды, продуктов. Были несколько случаев сумасшествия. Многие беременные женщины преждевременно рожали — уже потом, в Константинополе, на одном из феодосийских пароходов, где таких случаев было больше всего, выделили специальную «родильную каюту», куда возили рожениц с других судов. Но почти все младенцы появлялись в те дни мертвыми...

На кошмар переполненных кораблей жаловались многие авторы-эмигранты, в основном из людей, непривычных к серьезным лишениям. Их статьи в эмигрантской прессе охотно перепечатывала и цитировала советская литература, злобно смакуя такие подробности «бегства буржуев». И при этом упускали — первые по незнанию, вторые по понятным причинам — несколько факторов. Что в данное время в подобных условиях функционировал весь «нормальный» транспорт Совдепии. И что терпеть тесноту и грязь трюмов пришлось лишь несколько дней — во имя спасения жизни. Потому что большая часть оставшихся в Крыму, и по своему желанию, и без него, уже никогда не смогла никому и ни на что пожаловаться.

